

На краю любви

Светлана Краснощёкова

Светлана Краснощёкова

На краю любви

«Автор»

2026

Краснощёкова С.

На краю любви / С. Краснощёкова — «Автор», 2026

Она потеряла всё. Веру в любовь, веру в людей, веру в себя. Он потерял её — и искал пятнадцать лет, не зная, существует ли она на самом деле. Судьба свела их на ночном пляже в Шанхае, где она держала на руках плачущую малышку, а он прощался с теми, кого уже не мог вернуть. Тогда они даже не узнали имён друг друга. А потом — случайная встреча в маленьком городе Муданьцзяне. Он узнал её сразу. Она — нет. Древний медальон, дар, который она унаследовала от матери, опасный коллекционер, готовый на всё, и любовь, которая сильнее страха. «Ты — мой край земли. И моё начало». «Я выбираю тебя снова и снова. Каждый день. Каждую минуту». «Любовь — это выбор. Ты выбираешь любить каждый день, несмотря ни на что». Если эти слова отозвались в вашем сердце — значит, эта история для вас.

Светлана Краснощёкова

На краю любви

На краю любви

Пролог

Владивосток, 2006 год. Рынок на Спортивной.

Лана шла между рядов, чувствуя, как подошвы кед скользят по мокрому после утреннего дождя асфальту. Воздух был густым от запахов — жареного лука, мокрого брезента, дешёвой парфюмерии и чего-то пряного, что продавали корейцы в дальнем углу. Она любила этот рынок за его хаос. Здесь всё было по-настоящему: лица, товары, торг. Здесь не было фальшивых улыбок и пластиковых витрин. Здесь была жизнь.

Рядом плёлся Стас, её парень, и его недовольство было таким плотным, что его можно было резать ножом.

— Милашка, зачем ты притащила меня на этот блошинный барак? — он оглядывался по сторонам с таким видом, будто его окружали не люди, а инопланетные существа. — Ты видишь этих китайцев? Или это корейцы? Или японцы? Я уже не понимаю, кто тут кто. Голова идёт кругом!

— Стас, это рынок, — терпеливо ответила Лана, не сбавляя шага. — Здесь все смешались. И что с того? Мы здесь не для этнографического исследования.

— Я ненавижу этот базар, — он сморщил нос. — Воняет рыбой и потом. Я привык к бутикам, где пахнет кофе и кожей. Зачем мы сюда пришли?

— Ты обещал мне подарок, — Лана наконец остановилась и повернулась к нему. В её голосе послышались стальные нотки, которые она сама не замечала, но которые всегда заставляли Стаса чуть сбавлять тон. — Ты сказал: «Лана, если ты защитишь диплом на отлично, я куплю тебе что захочешь». И вот я хочу.

Стас вздохнул, как ребёнок, которому отказали в игрушке.

— Ну хорошо, — буркнул он. — Но я думал, мы зайдём в нормальный бутик, и ты выберешь себе платье. Или туфли. Ты же вечно ходишь в этих джинсах, как студентка. Ты теперь дипломированный специалист, между прочим.

— Я художник, — отрезала Лана. — Художники носят джинсы. И футболки. И кеды. Это часть имиджа.

Она уже заметила нужный прилавок — тот самый, где три месяца назад увидела картину, которая перевернула что-то внутри неё. Она подошла ближе, и сердце забилось чаще. Картина была на месте. Тот же закат, тот же мотоцикл, мчащийся вдаль, та же магия, от которой у неё перехватывало дыхание.

— Вот, — она потянула Стаса за рукав. — Посмотри, какая прелесть! Я хочу её.

Стас посмотрел на картину, потом на ценник, и его лицо исказилось гримасой отвращения.

— Лана, ты серьёзно? Ты хочешь потратить деньги на эту мазню? — он повысил голос. — Это же просто краски на холсте! Ты у нас художница, ты сама можешь такое нарисовать за час!

— Не могу, — спокойно, но с вызовом ответила Лана. — Я не могу нарисовать это. Это не просто закат. Посмотри на свет — он живой. Посмотри на тени — они дышат. Этот художник видел что-то, что я не вижу. Я хочу учиться у него. Я хочу, чтобы эта картина была у меня дома и напоминала мне, что есть что-то большее, чем наши будни.

Стас фыркнул.

— Боже, какая пафосная чушь. Это просто дешёвый ширпотреб для туристов. Лана, ну пожалуйста, выбери себе платье. Я куплю тебе любое. Даже то красное, с вырезом, которое ты боялась примерить. Ты будешь выглядеть сногшибательно. А эту... фигну мы оставим здесь.

В этот момент к ним подошёл продавец. Это был пожилой мужчина с тонкими, как у пианиста, пальцами, на которых засохли пятнышки красок. Его лицо было изрезано морщинами, но глаза — чёрные, живые, — смотрели на Лану с любопытством.

— Девушка, — сказал он на русском с лёгким акцентом, — какую из моих картин вы присмотрели?

Лана покраснела. Ей стало неловко, что Стас так грубо говорил при художнике.

— Вот эту, — она показала на закат. — Я увидела её три месяца назад. Я тогда была здесь, вы торговались с каким-то покупателем, и я не решилась подойти. Я копила деньги на неё. Все эти месяцы я откладывала со стипендии, с подработок... Я хочу её купить.

Художник — Харуто, как она потом узнала, — улыбнулся тёплой, понимающей улыбкой.

— Я помню вас, — сказал он. — Вы тогда стояли за тем прилавком и смотрели на эту картину целых десять минут. Я подумал: «Эта девушка видит то, что не видят другие». Я ждал, что вы подойдёте, но вы ушли. И я решил оставить картину здесь, на случай, если вы вернётесь.

— Правда? — Лана почувствовала, как к горлу подступил комок. — Вы ждали меня?

— Картины сами находят своих хозяев, — просто ответил Харуто. — Я не выбираю, кому продавать. Картина выбирает.

Стас закатил глаза.

— О, господи, ещё один философ-неудачник. Лана, нам пора. Давай уже, купи эту мазню и пойдём. У меня ноги болят.

Лана не обратила на него внимания. Она открыла кошелек и достала все свои сбережения — аккуратные стопки купюр, которые она пересчитывала каждую неделю. Протянула их художнику.

— Вот, — сказала она. — Надеюсь, этого хватит.

Харуто взял ровно половину. Остальное он мягко, но твёрдо отодвинул обратно.

— Этого достаточно, — сказал он. — Я вижу, что вы любите мою работу. Для меня это дороже денег. Дайте ваш адрес, я упакую картину и привезу её вам в ближайшие дни.

— Вот это сервис! — фыркнул Стас, хлопая художника по плечу. — Только смотри, не обмани её. Привези именно эту, а не какую-нибудь подделку.

— Стас, прекрати! — одёрнула его Лана, чувствуя, как краска заливает щёки. Она повернулась к Харуто и добавила на японском, почти шёпотом: — Спасибо вам огромное. И простите, пожалуйста, моего парня. Он не понимает ценности вашего труда. Вот мой адрес.

Она написала адрес на клочке бумаги, взяла Стаса за руку и почти силой потащила его прочь. Через несколько шагов она обернулась и увидела, как к художнику подошла миловидная китаянка Ли На. Они о чём-то тихо говорили, и Лана увидела, как Харуто обнял её и поцеловал в лоб.

«Вот это любовь», — подумала Лана с грустью. — «Они понимают друг друга без слов. У них общее дело, общая жизнь. А у меня — Стас, который считает мою мечту мазнёй».

Она вздохнула и ускорила шаг, чтобы не дать слезам вырваться наружу.

Харуто тем временем смотрел ей вслед.

— Ли На, — сказал он, когда она подошла ближе, — ты видела, как сияли её глаза? Она копила на эту картину три месяца. Три месяца! Она отказывала себе в чём-то, чтобы купить кусочек этого мира. Таких покупателей я встречаю раз в десять лет.

— Так вот почему ты отгонял всех покупателей последние месяцы, — усмехнулась Ли На. — Ты ждал именно её?

— Я ждал того, кто увидит, — ответил Харуто. — Она увидела. И она обязательно вернётся к себе домой, повесит картину на стену и будет каждый день смотреть на неё. И, может быть, однажды она поймёт, что картины не просто украшают стены. Они меняют судьбы.

Ли На взяла его за руку.

— Ты всегда был мечтателем, — сказала она. — Но именно за это я тебя и люблю.

А Лана уже шла к выходу с рынка, сжимая в кармане чек и чувствуя, как внутри разрастается что-то светлое. «Я сделала это, — думала она. — Я купила ту самую картину. И у меня есть мечта — стать такой же, как этот художник. Чтобы мои картины тоже находили своих зрителей».

Она не знала, что через четыре года её жизнь рухнет, и она окажется на пляже в Шанхае, рыдая над потерянным ребёнком. И что в ту ночь она встретит человека, который изменит всё.

Шанхай, весна 2010 года. Пляж в ночи.

Мартовский ветер дул с моря, принося солёную свежесть и холод. Лана шла по песку, не разбирая дороги. Слезы текли по щекам, смешиваясь с брызгами прибоя, и она не вытирала их. Зачем? Всё равно никто не видит.

«Как я могла так ошибиться? — думала она, сжимая кулаки так, что ногти впивались в ладони. — Как он мог так поступить со мной? Ну ладно со мной — я дура, я доверилась не тому человеку. Но как он мог убить нашего ребёнка? Нашего неродившегося малыша?»

Она опустилась на песок у самой кромки воды, подтянула колени к груди и обхватила их руками. Волны набегали и отступали, и их шум всегда успокаивал её. Но не в этот раз. В этот раз они звучали как насмешка.

— Прости меня, — прошептала она, положив ладонь на низ живота. — Прости, что не смогла тебя защитить. Ты был такой маленький, всего восемь недель... Я уже знала, что ты будешь девочкой. Я даже имя придумала — Алиса. Ты бы была моей маленькой Алисой. А теперь тебя нет. И меня нет. Там, внутри, что-то умерло вместе с тобой.

Она подняла голову к небу, надеясь, что слёзы остановятся, но они текли и текли. Вокруг было пусто, только чёрное море и мутные звёзды, спрятанные за облаками.

«Что мне теперь делать? — спрашивала она себя. — Куда идти? Стас сказал, что я ничёмная художница, что мои картины никому не нужны. Он разрушил мою мечту, а потом разрушил мою жизнь. Я не вернусь к нему. Никогда. Но как жить дальше?»

Она уткнулась лицом в колени и разрыдалась, уже не сдерживаясь. Всхлипы вырывались из груди, и она чувствовала, как дрожит всё тело.

Вдруг она услышала плач малышки, вначале тихий и далекий, а потом он становился все громче и громче. Лана закрыла уши руками и вознесла немую молитву небесам - «Прости меня, мое нерожденное дитя, за то что была настолько глупой и доверчивой, и не смогла тебя уберечь.»

В следующую секунду кто-то дотронулся до её плеча. Лана вздрогнула и резко обернулась. Перед ней стоял молодой человек — высокий, с широкими плечами и тёмными, почти чёрными глазами. В его руках был свёрток, из которого доносился плач. А в другой руке он держал две небольшие урны.

- Девушка, - дотронувшись до плеча Ланы, позвал ее Юйлун на китайском, - прости пожалуйста если напугал, - затараторил парень увидев, как она вздрогнула и испугалась, - но мне очень нужна ваша помощь. Вы не думайте ничего плохого, и денег мне не надо, - но видя в ее синих глазах, полных слез и боли, нерешительность и удивление, он уточнил, - вы меня понимаете? Или лучше говорить на английском?

- Можно на любом удобном вам языке, - наконец очнувшись от своих грустных дум ответила Лана, она наконец разобралась, почему не сразу разобрала его слова, он говорил на китайском, а она была в своих мыслях и думала на русском.

Лана смотрела на него, и что-то в его лице — в этих тёмных глазах, в которых плескалась такая же боль, как у неё, — заставило её забыть о собственной трагедии на мгновение.

- И зачем вы сюда пришли, - грозно спросила Лана, напридумывав в голове разные варианты, - на ночь глядя, да еще и с младенцем? И где ее родители?

- Вот ее родители, - огрызнулся Юйлун, видя как сталь озарила ее синие глаза, с ним мигом слетела вся грусть и нерешительность, оставив место только холодному металлу. Его нервы, от пережитого горя не выдержали, и он поднял руку вверх в которой держал их урны, - они оставили нас! Это моя племянница, Мико. Ей всего месяц. Моя сестра и её муж погибли в автокатастрофе два дня назад. Я забрал Мико из больницы только вчера. Я совсем не умею обращаться с детьми, но обещал сестре, что исполню её последнюю волю — развею их прах здесь, на этом пляже, где они познакомились.

Лана слушала, и сердце её сжималось. Она только что потеряла собственного ребёнка, а этот человек потерял сестру и зятя и теперь должен заботиться о маленькой девочке. Она перевела взгляд на Мико — личико малышки было красным от крика, крошечные кулачки сжаты.

- Простите меня, - искренне извинилась Лана, отругав себя на чем свет стоит! «Дура! Нельзя же всех теперь подозревать и обвинять, раз тебя предал этот урод», - я не хотела вас обидеть. Примите мои самые искренние соболезнования. Какая помощь вам нужна?

— Я не могу войти в воду с ребёнком, она холодная, и Мико может простудиться, — в голосе Юйлун прорезалось отчаяние. — Я не знаю, что делать. Я не могу оставить её на берегу одну. И тут увидел вас... — он замолчал, разглядывая её лицо, и вдруг его голос смягчился. — Простите, я не хотел вас тревожить. Но у вас такой... добрый взгляд. Я подумал, может, вы поддержите её, пока я выполняю обещание?

Лана почувствовала, как внутри что-то перевернулось. Она хотела отказаться — слишком свежа была боль, слишком сильно ныла пустота внизу живота. Но в глазах этого незнакомца было столько мольбы, а Мико плакала так горько, что Лана не могла отказать.

— Давайте её сюда, — сказала она, протягивая руки.

Юйлун осторожно, как стеклянную вазу, передал ей малышку. Лана взяла её на руки, и в тот же момент почувствовала невероятное тепло, исходящее от этого крошечного тельца. Запах молока, чистой кожи и детской присыпки ударил в нос, и комок снова подступил к горлу.

«Именно так я представляла, — подумала она. — Именно так я держала бы свою Алину».

Но она взяла себя в руки. Начала укачивать Мико, тихонько напевая колыбельную, которую в детстве пела ей мама:

«Спи, моя радость, усни... В доме погасли огни...»

Странно, но Мико тут же затихла. Её плач стих, она открыла мутные глазки, посмотрела на Лану, и вдруг — улыбнулась. Крошечной, беззубой улыбкой новорожденного.

У Ланы перехватило дыхание.

— Ты слышишь меня, маленькая? — прошептала она. — Всё будет хорошо. Ты будешь жить. Ты вырастешь и будешь счастливой. Я верю в это.

Юйлун стоял в нескольких шагах и смотрел на них, замороженный. Он не мог оторвать взгляда от этой девушки — её синих глаз, в которых больше не было пустоты, а появилась нежность и тепло. Её голос был мягким, как шёлк, и Мико, которая так отчаянно плакала последние полчаса, вдруг уснула на её руках, причмокивая во сне.

«Кто она? — думал Юйлун. — Почему у неё такой печальный взгляд? Но она умеет быть нежной. Она умеет успокаивать. Она, кажется, знает, что делать с ребёнком, чего я не знаю. Мне бы найти её потом, поблагодарить».

Он встряхнул головой, чтобы отогнать наваждение, и шагнул в воду. Холодная волна обожгла ноги, но он не обращал внимания. Он поднял урны, пробормотал короткую молитву и развеял прах по волнам.

«Сестра, — сказал он мысленно, — я исполнил твою просьбу. Мико в безопасности. А эта девушка... она как ангел. Я должен узнать её имя».

Он вернулся на берег, мокрый по пояс, дрожа от холода, но в груди разливалось странное тепло. Он подошёл к Лане, которая всё ещё держала Мико, и осторожно забрал малышку.

— Спасибо, — сказал он. — Я даже не знаю, как вас благодарить. Как вы так быстро успокоили её?

— Ей просто нужно тепло и забота, — тихо ответила Лана, и в её голосе снова послышалась грусть. Она встала, отряхнула песок с джинсов и посмотрела на Юйлуна. Он был высоким, почти на голову выше её, и в лунном свете его лицо казалось вырезанным из камня — мужественным, с чёткими линиями. Но глаза были тёплыми.

— Я должна идти, — сказала она. — Прощайте, молодой человек. Берегите себя и любите малышку Мико. Она — ваше сокровище.

Она развернулась и пошла прочь, не оглядываясь. Но в голове уже созревало решение.

«Я не вернусь к Стасу, — думала она. — Я уеду из Владивостока. Начну новую жизнь. И если я не могу иметь детей, я могу помогать тем, кто уже есть на свете. Я буду рисовать для них книги. Я буду делать мир хоть чуточку добрее».

Она не знала, что Юйлун стоит на пляже и смотрит ей вслед, прижимая к груди спящую Мико. Он смотрел на её удаляющуюся фигуру, и в груди росло странное чувство — то ли благодарность, то ли что-то большее.

«Если мы когда-нибудь встретимся, — пообещал он себе, — я обязательно тебе отплачу. Я найду тебя. И скажу спасибо».

Они ещё не знали, что на их жизненном пути их ждёт не просто любовь, а судьба, написанная на холсте древними кистями.

Глава 1. Ночная погоня за бабочками

Лето 2025 года. Китай, провинция Хэйлуцзян, город Муданьцзянь.

Лунная дорожка серебрилась на рисовых полях, когда телефон Юйлуна завибрировал в кармане тактической куртки. Он только что вернулся с тренировки — тело ещё помнило тяжесть спаррингов, мышцы приятно ныли, а в голове всё ещё прокручивались отработки новых захватов. Он собирался принять душ и лечь, но взглянув на экран, нахмурился. Дедушка Ван. В такой час.

— Юйлун, внучек, миленький, ты должен мне помочь! — голос старика дрожал, слова спотыкались друг о друга, как испуганные птицы. — Она уехала на мотоцикле ещё утром и до сих пор не вернулась! Уже почти ночь! Это внучатая племянница самого Ченя!

Юйлун замер посреди комнаты, прислушиваясь к тишине за окном. Тёплый летний ветер шевелил занавески, но внутри у него похолодело. Дедушка Ван никогда не звонил в такое время без веской причины. Старик был из тех, кто не беспокоил по пустякам, даже если сам тонул в реке. А тут — голос срывался, слова путались, и всё крутилось вокруг какой-то девчонки.

— Дедуль, дедуля, — Юйлун постарался говорить спокойно, хотя внутри уже проснулся тот самый холодный, цепкий механизм, который включался в экстренных ситуациях. — Выдохни. Сначала объясни всё по порядку. Кто она? Что за мотоцикл? Почему ты решил, что она в беде?

Дедушка Ван перевёл дыхание, и Юйлун услышал, как старик тяжело опустился на стул — скрипнули половицы.

— Дело вот в чём. На днях звонил сам Чень. Сказал, что его внучатая племянница едет в наши края, просил встретить, помочь, если надо, приглядеть. Я, конечно, согласился. Что я мог сказать этому человеку? Он же меня из-под обвала вытащил, когда мне и двадцати не было! Я ему жизнью обязан. Ну, встретил я её, поселил в гостиницу «Золотая сосна», дал свой телефон, сказал, звони, если что. А она утром позвонила, спросила, где можно мотоцикл взять напрокат. Я и отправил её к Вэям, ты знаешь их — у них всё честно, документы проверяют, права смотрят. Взяла красную «Ямаху», сказала, что хочет посмотреть закат в горах, и уехала. И вот уже десять часов нет! Я звонил ей раз двадцать — телефон не отвечает!

Юйлун прикрыл глаза. В его голове уже рисовалась картина: какая-то взбалмошная горожанка, привыкшая, что мир вращается вокруг неё, пользуясь поддержкой старших, творит, что хочет, а потом за неё получают другие. Но голос деда был настолько встревоженным, что Юйлун не мог просто отмахнуться.

— Я буду у тебя через пару часов, — сказал он, кладя трубку.

Несколько секунд он стоял неподвижно, глядя на собственное отражение в тёмном стекле окна. Себя он видел редко — не любил смотреться в зеркала, не любил задумываться о том, как выглядит со стороны. Знакомое лицо, чуть обветренное, с чёткими линиями челюсти — спасибо наследственности и годам службы. Тёмно-карие глаза, которые женщины называли «глубокими», а мужчины — «цепкими». Он знал, что умеет быть холодным, когда нужно, и что его взгляд может заставить подчинённых подтянуться без лишних слов. Но сейчас в отражении он видел что-то другое — лёгкую тень тревоги, которую он не любил в себе признавать.

Чень... Это имя всплыло из глубины памяти. Юйлун помнил седого человека с тяжёлой походкой и пронзительным взглядом. Ещё мальчишкой он видел его в доме деда Вана. Тогда Чень не говорил много, но каждое его слово весило как камень. Дед Ван относился к нему с почтительным страхом, а Юйлун, даже будучи сорванцом, чувствовал в этом человеке что-то такое, что заставляло говорить шёпотом. «Внучатая племянница», — повторил он про себя. — «И что она забыла в Муданьцзяне? Туристка? Или что-то серьёзнее?»

Он начал собираться. Отработанными до автоматизма движениями он натянул чёрные тактические штаны, лёгкую ветровку, сунул в рюкзак фонарь, аптечку, энергетические батончики, бутылку воды, пауэрбанк. Проверил телефон — сигнал хороший. Написал в общий чат команды: «Нужна помощь в Муданьцзяне, кто свободен — буду через 2 часа. Дело личное». И уже через минуту двое отписались: «Едем».

Он вышел на улицу, где под навесом стоял его чёрный BMW F800GS. Надёжный конь, проверенный в горах и пустынях. Юйлун погладил руль — в этом жесте было что-то почти интимное, привычка, оставшаяся с тех времён, когда он ещё не научился доверять людям, но научился доверять машинам. Двигатель заурчал, и через минуту он уже мчался по трассе, уходящей в сторону горного хребта Лаоюй.

Ночь была влажной и тёплой, ветер бил в лицо, и Юйлун позволил себе на мгновение расслабиться. Вокруг, насколько хватало глаз, простирались рисовые поля, залитые лунным светом. Где-то вдалеке ухал филин, и ветер доносил запах влажной земли и мяты. Он любил эту дорогу — она всегда успокаивала его, возвращала в то состояние, когда мысли становятся ясными и холодными, как сталь.

Но сейчас мысли были другими. Он думал о той девушке. Наверняка городская, избалованная, не привыкшая к местным дорогам и ночным туманам. Юйлун много раз видел таких: они приезжали в провинцию за экзотикой, брали мотоциклы или джипы и уезжали в горы, уверенные, что дорога сама их приведёт обратно. А потом терялись, попадали в аварии, ломали ноги. Им казалось, что природа — это парк аттракционов. Они не знали, что горы не прощают беспечности.

Через два часа он подъехал к дому деда Вана — маленькому дому в два этажа, облепленному диким виноградом и плющом. Дед сидел на крыльце в старом свитере, нервно теребя в руках мобильник. Увидев Юйлуна, он вскочил, едва не опрокинув табуретку.

— Ну наконец-то, внучек! Слава небесам, что ты приехал! — затараторил дед, сжимая его руку. — Я уж думал, до утра ждать буду, а там уже поздно будет! Проходи, проходи, я тебе всё расскажу.

— Дедуль, давай спокойно, — Юйлун положил руку на плечо старика, чувствуя, как тот дрожит. — Покажи мне её фото и расскажи, что знаешь.

Дед Ван засуетился, полез в карман, достал старенький смартфон и открыл галерею. На экране появилась фотография: молодая девушка с тёмно-русыми волосами, заплетёнными в небрежную косу-колосок, в светлой футболке и потёртых джинсах. Она стояла на фоне золотого поля подсолнухов и улыбалась. Но в глазах — Юйлун заметил это сразу — была какая-то скрытая печаль, словно она привыкла улыбаться, но внутри носила тяжёлый груз.

И вдруг он замер.

Он узнал её. Не мог не узнать. Те же глаза — необыкновенного синего цвета, как море в солнечный день. Тот же разрез бровей, та же манера слегка сжимать губы, когда она сосредоточена. Это была та самая девушка, которую он встретил на пляже в Шанхае пятнадцать лет назад. Ночь, морской прибой, урны с прахом сестры и зятя в его руках, и она — сидит на песке, вся в слезах, а потом берёт на руки плачущую Мико и успокаивает её колыбельной, от которой у самого Юйлуна сжалось сердце.

Он искал её тогда несколько месяцев. Спрашивал у прохожих, пытался найти по описанию в полиции, но она исчезла, как будто растворилась в тумане. Он почти забыл её лицо, но сейчас, увидев эту фотографию, он почувствовал, как в груди что-то дрогнуло, как тёплая волна поднялась из глубины, которую он считал давно застывшей.

— Её зовут Лана? — спросил он, и, к счастью, голос не дрогнул. Хотя внутри всё перевернулось.

— Да, Лана. Она русская, но по-китайски говорит отлично. Я сам удивился, когда услышал, — дед Ван не заметил его состояния, продолжал тараторить. — Приехала из Владивостока, говорит, работает художницей, рисует картинки для детских книг. Очень милая, вежливая.

Юйлун взял у деда телефон, открыл приложение трекера, который Вэи установили на мотоциклы.

— Последняя точка — лесная дорога в сорока километрах к северо-западу, — сказал он, запоминая координаты. — Я найду её, дедуль. Жди здесь. Никуда не выходи.

— Будь осторожен, Юйлун! — крикнул ему вслед старик, но Юйлун уже не слышал. Он выбежал на улицу, на ходу сбрасывая координаты и фото в общий чат, и написал: «Жду у подножия горы».

Мотор взревел, и мотоцикл сорвался с места, оставляя за собой облако пыли. Сорок километров по извилистой горной дороге заняли около тридцати минут. Луна ярко светила, но в лесу было темно, и Юйлун полагался больше на фары и интуицию.

Когда он подъехал к точке на карте, он увидел красный мотоцикл у обочины. На руле висел белый шлем с наклейкой в виде маленькой бабочки. Рядом стояли Бау Шу и Чжао Лин — двое его самых проверенных парней из команды, они уже были на месте и ждали только его.

— Командир, — Бай Шу, высокий, с вечно озорными глазами, махнул рукой. — Девушка твоя пропала? Мы тут посмотрели — мотоцикл цел, следы ведут в лес. Похоже, она просто бросила его и ушла пешком. Документы не брала, телефон оставила в бардачке.

— В бардачке? — удивился Юйлун, подходя ближе. — Зачем она пошла в лес без телефона?

— Может, хотела сделать красивое фото? — пожал плечами Чжао Лин, молчаливый и хмурый великан.

Юйлун осветил землю: следы от кроссовок вели вглубь леса, в сторону небольшого холма, поросшего кустарником. Он нахмурился.

— Здесь нет никакой смотровой площадки. Только дикий лес и старые курганы. Что она там забыла?

— Юйлун, тут ещё следы, — Бай Шу показал в другую сторону. — Она петляла, как будто искала что-то конкретное.

— Тогда давайте поделимся, — решил Юйлун. — Рации на нашей частоте. Кто первый найдёт, сразу сообщает.

Они разошлись, и Юйлун двинулся в темноту, стараясь ступать бесшумно. Каждый хруст ветки казался ему оглушительным. Он шёл по следу, держа в руке фонарь, но через двести метров заметил странное свечение — голубоватый свет, лившийся из-за деревьев. Это был не лунный свет. Он казался живым, пульсирующим, как дыхание.

Юйлун замедлил шаг, выключил фонарь и осторожно приблизился. На поляне он увидел древний каменный курган, поросший мхом и лишайником. Рядом с ним, стоя на коленях, сидела Лана. Её глаза были широко раскрыты, но взгляд отсутствовал — она смотрела сквозь реальность, куда-то, куда он не мог проникнуть. В руках она держала старый плёночный фотоаппарат «Зенит». Из объектива лился тот самый голубой свет, и он не был случайным — он исходил от самого аппарата.

«Что за чертовщина?» — подумал Юйлун, и холодок пробежал по спине.

— Бау Шу, Чжао Лин, — почти шёпотом позвал он в рацию. — Возвращайтесь на точку, я её нашёл.

Он убрал рацию и шагнул к ней.

— Лана! — негромко окликнул он, стараясь не напугать её.

Она не шелохнулась. Тогда он подошёл ближе и осторожно коснулся её плеча. Она вздрогнула, будто вынырнула из глубокого сна, и свет мгновенно погас. Глаза её сфокусировались на нём, но в них плескался страх и непонимание.

— Кто... — голос был хриплым. — Кто вы?

— Я Ли Юйлун. Дед Ван попросил меня найти вас. Вы пропали, все волнуются.

Лана огляделась, будто только теперь осознавая, что находится в лесу. Она попыталась встать, но ноги подкосились, и она едва не упала. Юйлун подхватил её под руку, поддерживая. Она оказалась лёгкой, почти невесомой, и он почувствовал, как её пальцы впились в его рукав.

— Что случилось? — спросил он мягко, стараясь не напугать её ещё больше. — Вы удалились? Голова кружится?

— Я... не знаю, — прошептала она, и Юйлун услышал, как дрожит её голос. — Я ехала, увидела странное свечение над этим холмом. Думала, это остатки заката, но солнце уже село. Я остановилась, пошла посмотреть, сделала снимок... А потом всё исчезло, я провалилась в темноту. И видела сон... Там была женщина. Она говорила со мной на русском, назвала меня по имени. Она сказала: «Ты — дочь хранителей. Твой дар вернулся». Что это значит? Я не понимаю.

Юйлун нахмурился. Он сам видел голубой свет, и он знал, что в этих горах есть места, которые местные жители называют «древними вратами». Но никогда не думал, что это правда. Он смотрел на Лану, и что-то в её глазах — в этих синих, бездонных глазах — заставляло его верить ей, несмотря на весь скептицизм.

— Я отвезу вас в гостиницу, — сказал он твёрдо. — Завтра разберёмся, что это было. Сейчас главное — чтобы вы были в безопасности.

Но вместо того чтобы кивнуть и согласиться, Лана вдруг встряхнула головой, и в её глазах зажглась сталь. Страх исчез, сменившись упрямством. Она отстранилась от его руки, выпрямилась и посмотрела на него с вызовом.

— Какая гостиница? — сказала она, и голос её окреп. — Я ещё не сделала ни одного снимка, ради которых вообще сюда приехала! Я ехала через весь город, между прочим, чтобы запечатлеть горную реку при полной луне. Там бабочки водятся, знаете? Светящиеся! Мне рассказала одна старушка, она сказала, что это единственное место в провинции, где их можно увидеть!

Юйлун опешил. Он смотрел на неё, и не мог поверить своим ушам. Только что она тряслась, как осиновый лист, её голос дрожал, она говорила о каких-то видениях, о женском голосе из ниоткуда, и теперь она спорит с ним, что не уедет, пока не сделает снимок?

— Вы серьёзно? — вырвалось у него. — Уже ночь! Вы пропали на десять часов, ваш телефон не отвечал, дед Ван места себе не находит, я приехал вас искать, мои ребята бросили дела и примчались сюда, а вы хотите фотографировать бабочек?

— Да, хочу! — отрезала она. — Я не для того приехала в эту глушь, чтобы сидеть в гостинице. Я художница, я вижу красоту, и если я упущу этот шанс, я никогда себе этого не прощу!

Она развернулась и решительно зашагала вглубь леса, обходя курган. Юйлун несколько секунд стоял, открыв рот, чувствуя, как в груди закипает гнев, смешанный с неожиданным восхищением. «Ну и характер!» — подумал он. — «Дед сказал, что она милая и вежливая. Ага, как же! Эта девушка — ураган в юбке!»

— Лана, подождите! — крикнул он и бросился за ней.

Он догнал её быстро, но она уже дошла до горной реки. Лунный свет серебром разливался по воде, и берег был усыпан камнями, поросшими мхом. Лана остановилась, притаилась, прижимая к груди свой Canon, и стала ждать.

Юйлун хотел снова что-то сказать, но она резко повернулась, схватила его за рукав и потянула вниз, заставляя сесть на корточки. В следующее мгновение её ладонь прижалась к его губам.

— Сиди тихо, — прошипела она. — Если испортишь мне кадр, прибью на месте!

Её глаза снова изменились — страх и металл исчезли, осталась только сталь, холодная и решительная. Но в этой стали горел такой огонь, что Юйлун невольно замер. Он чувствовал тепло её ладони на своих губах, лёгкий запах её духов — что-то цветочное, нежное, смешанное с запахом ночного леса. И он понял, что не может пошевелиться. Не потому, что боится, а потому, что она его заморозила.

Она отдернула руку так же резко, как и прикоснулась, и отвернулась к реке. Юйлун заметил, как её пальцы чуть дрогнули — от его дыхания? Но он не успел задуматься, потому что в этот момент природа ожила.

Над рекой начали подниматься светящиеся бабочки. Они были похожи на маленькие фонарики, мерцающие серебристо-голубым светом. Их танец был невесомым и завораживающим — они кружились, переплетались, поднимались вверх, к луне, и Юйлун почувствовал, что у него перехватило дыхание. Красота оказалась сильнее всех его аргументов. Он сидел на корточках и смотрел, как Лана ловит кадр за кадром, как её глаза горят, как она улыбается чему-то, что видит только она.

— Это невероятно, — прошептал он, сам не заметив, как сказал это вслух.

— Молчи, — ответила она, но в голосе уже не было металла. Только лёгкая улыбка.

Когда танец бабочек начал стихать, Лана опустила камеру и вздохнула — глубоко, с каким-то облегчением, будто она сделала что-то важное, что должно было случиться.

— Спасибо, что помолчал, — сказала она, поворачиваясь к нему. — Ты, оказывается, умеешь слушаться, когда надо. А я уж думала, что ты будешь читать мне лекции до утра.

Юйлун хмыкнул.

— Я ещё и не начинал, — сказал он, поднимаясь. — Но, думаю, мы оба устали. И там, за лесом, у нас есть уставший дед и двое моих парней, которые уже начали волноваться.

Лана вдруг посмотрела на него с хитрецей, и он понял, что она что-то задумала.

— Юйлун, — сказала она, — у тебя шнурок развязался.

Он посмотрел вниз и действительно увидел, что левый ботинок расшнуровался. В суматохе он не заметил.

— А, да, — он хотел нагнуться, чтобы завязать его, но Лана его остановила.

— Стой смирно, — сказала она, и в её голосе было столько командной нотки, что он замер. Потому что, чёрт возьми, эта девушка умела приказывать.

Она опустила на одно колено прямо перед ним и начала аккуратно завязывать шнурок — медленно, тщательно, как художник, который выписывает детали. Юйлун смотрел на её макушку, на светлые волосы, на то, как лунный свет падает на её плечи, и чувствовал, что краснеет. Он не краснел с тех пор, как ему было восемнадцать. Это было неловко, неправильно, и в то же время в груди разливалось что-то тёплое, что-то такое, чему он боялся дать имя.

— Вот, — сказала она, поднимаясь, и на её лице сияла улыбка, в глазах плескалось что-то лукавое. — А теперь мой спаситель может меня спасти. Я готова покориться судьбе.

Юйлун открыл рот, но не успел ничего сказать, потому что из кустов вышли Бай Шу и Чжао Лин, с трудом сдерживая смех.

— Командир, — Бай Шу, утирая слёзы, — после такого ты, как настоящий мужчина, просто обязан на ней жениться! Я в жизни не видел, чтобы кто-то завязывал тебе шнурки!

— Заткнись, — прошипел Юйлун, но даже сквозь неловкость он заметил, как Лана улыбнулась шире.

— А вы, значит, его товарищи? — она посмотрела на Бай Шу и Чжао Лина. — Приятно познакомиться, я Лана.

— Бай Шу, — представился высокий, — а это великан Чжао Лин. Он мало говорит, но если начнёт — не остановишь.

— Невестка, — подтвердил Чжао Лин, и Юйлун почувствовал, как уши начинают гореть.

— Так, — он взял себя в руки, — хватит. Мы нашли её, она жива и, как видите, даже бодра. Дед ждёт. Поехали.

— А как быть с моим мотоциклом? — спросила Лана, и Юйлун заметил, что в её голосе снова появилась озабоченность. — Я не могу его бросить здесь.

— Не переживай, — сказал Бай Шу, подмигивая Чжао Лину. — Мы позвонили уже братцу Вэю, он скоро подъедет и отгонит его обратно. А ты садись к нашему командиру. Он довезёт тебя быстрее, чем ветер.

Юйлун хотел возразить, но усталость давала о себе знать, да и ночь была тёмной. Он не хотел оставлять её одну на обратной дороге. Он молча снял свою куртку и накинул ей на плечи, заметив, как она вздрогнула — то ли от холода, то ли от неожиданности.

— Садись, — сказал он, протягивая ей шлем. — Поехали.

Она надела шлем — тот самый, с бабочкой, и его сердце почему-то дрогнуло. «Сентиментальность — не для меня», — одёрнул он себя, но когда она села сзади и её руки обхватили его пояс, он почувствовал, что всё внутри переворачивается.

Они молчали всю дорогу. Он чувствовал, как она дрожит — может, от холода, может, от того, что пережила. Её пальцы сжимали его куртку с такой силой, что он удивился: в этой хрупкой девушке таилась недюжинная воля.

Когда они подъехали к «Золотой сосне», Юйлун помог ей сойти с мотоцикла и проводил до двери номера. Она остановилась на пороге, сняла шлем, и он увидел, как её глаза — те самые синие, как море в солнечный день — смотрят на него.

— Спасибо тебе и твоим друзьям за сегодня, — сказала она. — Я даже не спросила, но после всего, что мы прошли сегодня, мы перешли на «ты», ты же не против? Юйлун, красивое имя. Оно тебе идёт.

— Я не против, — ответил он, чувствуя, как становится чуть теплее на душе. — И не обращай внимания на Бау Шу. Он всегда шутит. Чжао Лин — молчун, но он тоже хороший.

— Я поняла. Они славные, — она улыбнулась. — Завтра я приду в себя и всё обдумаю. Наверное, это просто переутомление или солнечный удар. Тебе не стоит беспокоиться.

Но Юйлун заметил, как она сжала в руке фотоаппарат, и побелели костяшки пальцев. Её что-то тревожило, и он чувствовал, что это не просто усталость.

— Спокойной ночи, — сказал он, разворачиваясь.

— Юйлун, — окликнула она. Он обернулся. — Ты сегодня ещё будешь здесь? В гостинице?

— Я переночую у деда, он рядом. Если что — звони, — он протянул ей телефон, и они обменялись контактами в Вичате.

Лана кивнула и закрыла дверь. Юйлун постоял минуту, глядя на закрытую дверь, и почувствовал странное волнение, которое не испытывал уже много лет. Он вышел на улицу, глубоко вздохнул и направился к деду, но на полпути остановился, достал телефон и открыл её профиль в Вичате. Там была одна фотография: она в мастерской, вся в краске, с кистью в руках. И улыбка — такая открытая, тёплая, что у него сжалось сердце.

«Завтра я выясню, что произошло на том холме», — решил он. — «И почему она видела свет. Это не просто игра природы».

Он убрал телефон в карман и пошёл дальше, не подозревая, что в эту самую минуту Лана сидела на кровати в своём номере и смотрела на фотографию, которую сделала у реки. На ней были бабочки — их танцующий, светящийся хоровод. Но на заднем плане, в отражении воды, она заметила что-то ещё. Какой-то тёмный силуэт. Человек? Или что-то другое?

Она перевела взгляд на старый «Зенит», который лежал рядом на столике. Из его объектива больше не лился свет, но внутри аппарата что-то тихо гудело, как живое. Лана приложила его к уху и услышала шёпот — неразборчивый, но явно женский.

«Ты — дочь хранителей», — повторила она слова из сна. — «Что это значит? И почему я не могу вспомнить тот голос?»

Она положила фотоаппарат на стол и взглянула на телефон. На экране высветилось сообщение от Юйлуна: «Спокойной ночи. Завтра зайду утром, проверю, как ты. Не ходи больше одна в лес».

Лана улыбнулась и набрала ответ: «Ты слишком заботливый, командир. Я думала, такие ребята, как ты, только в фильмах бывают. Но ладно, я согласна. Завтра расскажу тебе, что видела. Только обещай не считать меня сумасшедшей».

«Обещаю», — ответил он.

Она отложила телефон, но улыбка не сходила с её лица. «Забавный тип», — подумала она. — «И красивый. И глаза у него такие... тёплые, когда он смотрит на меня. Но я больше не хочу никаких отношений. Я приехала сюда, чтобы сбежать от прошлого, а не найти новую боль».

Она легла и закрыла глаза. Но сон не шёл. В темноте комнаты ей снова слышался шёпот — тот же, из леса. И она чувствовала, что эта ночь ещё не закончилась.

Юйлун, тем временем, подошёл к дому деда Вана и остановился на крыльце. Он смотрел на звёзды, думая о том, что сегодня увидел свет, который не мог объяснить, и встретил девушку, которую искал пятнадцать лет, но не надеялся найти. В душе он знал, что не может её отпустить. Не снова. Эта встреча была судьбой, он в это верил.

«Раз уж судьба свела нас опять», — сказал он себе, как заклинание, — «я не отпущу её больше никогда. Даже если придётся идти за ней на край света».

Он вошёл в дом, где дед уже заварил чай, и рассказал ему, что Лана в порядке, но умолчал о свете. Он решил, что это не просто совпадение. И завтра он начнёт искать ответы.

Глава 2. Дождь, водопад и проявленная тайна

Утро в Муданыцзяне началось с серого неба и мелкой мороси, которая барабанила по жестяным крышам. Юйлун проснулся на жёстком диване у деда Вана с ощущением, что спал всего пару часов. Тело ныло после вчерашних перегрузок, но голова была ясной, как горный ручей. Первым делом он потянулся к телефону — сообщений от Ланы не было. Рабочие чаты молчали. Он открыл её профиль в Вичате и задержал взгляд на её аватарке: она в мастерской, вся в краске и улыбается чему-то невидимому. От этой улыбки у него внутри что-то дрогнуло.

«Странно, — подумал он, — я знаю её меньше суток, а уже просыпаюсь с мыслью о ней. Это не похоже на меня. Я всегда был уравновешенным, холодным, расчётливым. А она... она как вихрь. И этот свет из камеры. И тот курган. Что это вообще было?»

Он встряхнул головой, отгоняя наваждение, и пошёл умываться. Дед Ван уже хлопотал на кухне, заваривая чай и подогревая рисовые лепёшки. Пахло жареным кунжутом и имбирём.

— Ну как, внучек? — спросил дед, поворачиваясь к нему с половником в руке. — Девушка-то жива-здорова?

— Да, дедуль, всё в порядке, — Юйлун сел за стол и взял лепёшку. — Я заеду к ней сегодня, проверю. Она говорит, что просто перегрелась и немного заблудилась.

— Хм, — дед Ван прищурился. — А ты сам-то веришь в это?

Юйлун помедлил. Дед всегда чувствовал, когда он недоговаривал.

— Не до конца, — признался он. — Там было что-то странное. Но я разберусь.

— Только осторожнее, — дед положил ему на плечо сухую морщинистую руку. — Чень не просто так отправил её сюда. Она не просто туристка. Береги её, Юйлун. И себя тоже.

Юйлун кивнул, допил чай и вышел на улицу. Дождь стих, оставив после себя влажный воздух и запах мокрой листвы. Он сел на мотоцикл и поехал к «Золотой сосне».

Когда он вошёл в кафе при гостинице, Лана сидела у окна с чашкой зелёного чая. Она была одета в простую белую футболку и синие джинсы, волосы собраны в небрежный хвост, и на лице — лёгкая усталость, но взгляд уже не был таким отстранённым, как вчера. Она улыбнулась, когда увидела его, и в этой улыбке было что-то тёплое, как первый луч солнца после затяжного дождя.

— Можно к тебе? — спросил он, подходя к столу.

— Конечно, присаживайся, — она указала на стул напротив. — Ты уже завтракал? Хочешь чаю?

— Уже пил, спасибо. Но я могу просто посидеть с тобой, если ты не против.

— Не против, — она отвела взгляд и слегка покраснела. Ей было странно, что этот суровый мужчина, капитан спецотряда, предлагает просто посидеть с ней. Но одновременно это было приятно.

Несколько минут они молчали, глядя, как дождь стекает по стеклу. В кафе было тихо, играла мягкая инструментальная музыка, и Юйлун заметил, как Лана автоматически рисует пальцем на столе какие-то узоры. Художница до мозга костей.

— Как ты себя чувствуешь сегодня? — спросил он, нарушая тишину.

— Лучше, — ответила она, отпивая глоток. — Я почти всё обдумала. Думаю, я действительно перегрелась. Мало пила воды, долго была на солнце, устала с дороги... И потом эти странные видения — просто мозг перегрелся. Извини, что заставила всех волноваться.

Она говорила это ровно, убедительно, но Юйлун заметил, как её пальцы чуть дрогнули, когда она произносила слово «видения». Он знал, что она не верит своим же оправданиям. Но сейчас он не стал настаивать.

— Лана, — начал он осторожно, — я не хочу тебя пугать, но вчера я видел свет, исходящий из твоего фотоаппарата. Это не было отражением луны или солнца. У меня глаз намётанный, я могу отличить оптическую иллюзию от реальности.

Она вздохнула, опустила чашку и посмотрела ему прямо в глаза. В её синих глазах заплескалась тревога, но также и решимость.

— Я не знаю, что тебе сказать. Я сама не понимаю, что это было. Но... я действительно видела ту женщину. Она не была галлюцинацией. Она знала моё имя. Знаю, звучит безумно, — она горько усмехнулась, — но она сказала, что моя мать была хранительницей какого-то дара. Что когда я была ребенком и родители погибли, я заблокировала этот дар из-за боли? И что теперь он пробудился.

Юйлун внимательно слушал, не перебивая. Когда она закончила, он протянул руку и накрыл её ладонь своей. Кожа у неё была прохладной и мягкой, и он почувствовал, как она вздрогнула от этого прикосновения.

— Мы разберёмся, — сказал он твёрдо. — Я знаю одного человека, который может помочь. Старый художник Харуто. Он много лет живёт в этих местах, и говорят, он знает о старых силах больше, чем любой учёный. Если кто-то может пролить свет на то, что с тобой происходит, — это он.

— Харуто? — Лана вдруг резко выпрямилась, и в её глазах загорелся огонёк узнавания. — Харуто! Мне знакомо это имя. Был один художник, у которого я купила картину в 2006 году на рынке во Владивостоке! Закат, мотоцикл... я тогда ещё сказала ему, что его картины дышат. Он назвал меня «той, что видит».

— Вполне возможно это он и есть, — улыбнулся Юйлун. — Он сейчас живёт в деревне в двадцати километрах отсюда. Он уже стар, но память у него отличная. Если кто и знает о твоём даре — то он.

— Тогда поехали к нему сейчас же! — Лана вскочила, чуть не опрокинув чашку. — Я должна понять, что это было! Я не могу жить с этим неведением.

— погоди, — Юйлун поднял руку, останавливая её. — Сначала мы должны проявить плёнку, которую ты отсняла на Зенит. Давай отдадим её знакомому фотографу его мастерская тут недалеко, в паре кварталов, он сделает это за пару часов. Вэй Чжиминь надёжный, ему можно доверять. Он проявит плёнку за пару часов. А потом — поедим к Харуто. Идёт?

— Хорошо, пойдём навстречу, я достану кассету.

Они поднялись на второй этаж. Когда они подошли к её номеру, Юйлун нерешительно задержался у порога, чувствуя, что входить в номер незнакомой женщины — это перебор. Он кашлянул, раздумывая, как бы тактичнее сказать, что он подождёт в коридоре, как вдруг Лана обернулась и с лукавой улыбкой сказала:

— Юйлун, проходи внутрь, не бойся, я тебя не съем.

От её тона и искрящихся глаз у него перехватило дыхание. Мочки ушей предательски покраснели, и он, сам не зная зачем, шагнул в номер. Комната была небольшой, аккуратной, с открытым чемоданом на кровати, из которого высовывался край холста. На столике лежала палитра и кисти — она явно не теряла времени даром.

— Я быстро, — сказала Лана, беря в руки Зенит и ловко перематывая плёнку в кассету. — Нужно просто перемотать, и можно отдавать мастеру.

Юйлун стоял у двери, глядя на неё. Она двигалась легко, как танцовщица, и он заметил, как сосредоточенно она хмурит брови, когда возится с механизмом. Он чувствовал себя неуклюжим гигантом в этом маленьком номере, но его тянуло остаться. Он решил задать вопрос, который мучил его с ночи.

— Лана, а откуда ты вообще узнала про ту горную реку? — спросил он. — Дед говорил, что твой первоначальный маршрут был другим.

— Ах да! — она хлопнула себя по лбу, чуть не выронив Зенит. — Я совсем забыла! Это всё из-за одной старушки из цветочного магазина.

— Какой ещё старушки? — насторожился Юйлун. Его военное чутьё включилось мгновенно.

— Я шла к Вэю за мотоциклом, — начала она, продолжая перематывать плёнку, — и проходила мимо цветочного магазинчика. Там за стеклом кружились бабочки вокруг удивительного цветка. Я зашла, чтобы сфотографировать их. Хозяева обычно не против, я часто так делаю: фотографирую красивые вещи, а потом рисую по ним картины или иллюстрации. И там была такая милая старушка — она разрешила мне снять бабочек, а потом рассказала, что есть место, где в полнолуние светлячки и бабочки устраивают волшебный танец. Ну кто бы устоял? Я и поехала. А там — этот курган. Кто ж знал, что всё так обернётся?

Юйлун нахмурился. Он уже понял, что это не просто случайность.

— Где именно этот магазин? Ты сможешь показать?

— Конечно, он недалеко, — она наконец вытащила кассету и положила в карман. — Но ты же не думаешь, что та бабуля как-то связана с этим? Она была такой доброй, такой безобидной...

— В нашем деле безобидность — лучшая маскировка, — хмуро сказал Юйлун. — Но сначала плёнка. Пошли.

Они вышли из отеля, и дождь снова начал накрапывать. Юйлун повёл её к студии Вэй Чжиминя, которая находилась всего в паре кварталов. По пути он остановился на углу и написал в чат команды: «Бау Шу, Чжао Лин, если у вас есть время, подъезжайте в город. Мне нужна помощь с одним делом. Я в студии Чжиминя».

Ответы не заставили себя ждать: «Уже едем, командир. Скучали по невестке!» — это Бау Шу. «Будем через час», — это Чжао Лин. Юйлун усмехнулся: эти двое были не только надёжными бойцами, но и главными юмористами в его жизни.

В мастерской Вэй Чжиминя пахло проявителем, старой бумагой и чем-то сладким — он всегда держал на столе миску с конфетами. Сам фотограф был низеньким круглолицым мужчиной с веснушками на щеках и вечно улыбчивыми глазами. Увидев Юйлуну, он радостно замахал руками.

— О! Какой гость! Сколько лет, сколько зим! — он подошёл, пожал руку Юйлуну и покосился на Лану с любопытством. — А это кто с тобой? Неужели та самая девушка, из-за которой ты всех поднял ночью?

— Меньше болтай, Чжиминь, — шутливо огрызнулся Юйлун. — Лучше скажи, сможешь проявить плёнку за пару часов? Срочно.

— Конечно-конечно, я же профессионал. Давай кассету, — он взял её, как драгоценность, и тут же скрылся в тёмной комнате, оставив их вдвоём.

Лана осмотрела студию: стены были увешаны старыми фотографиями — чёрно-белые портреты, пейзажи, свадебные снимки. Она подошла к одной из них и замерла. Это был водопад, очень похожий на тот, который она пока не видела, но о котором ей уже рассказывали.

— Красиво, правда? — раздался голос Юйлуну за спиной.

— Очень, — ответила она, поворачиваясь. — Ты мне его покажешь когда-нибудь?

— Может быть, — он загадочно улыбнулся. — Но сначала нужно решить твою проблему.

В этот момент входная дверь громко хлопнула, и в студию ввалились двое: Бау Шу, высокий и вечно улыбающийся, и Чжао Лин — молчаливый великан с каменным лицом, которое, однако, сейчас выражало лёгкое любопытство.

— Командир! — загрохотал Бау Шу, хлопнув Юйлуну по плечу так, что тот покачнулся. — Мы приехали! Скучали? Мы вот соскучились! Особенно по нашей невестке, — он поклонился Лане с подчёркнутой церемонностью. — Здравствуйте, Лана! Как спалось? Не снились ли вам ночью прекрасные принцы на мотоциклах?

Лана засмеялась — звонко, искренне, отчего у Юйлуна на душе потеплело.

— Здравствуйте, Бау Шу. И вы, Чжао Лин. Спасибо, что помогли вчера. Вы очень вовремя появились.

— Мы всегда вовремя, — вступил Чжао Лин, и его бас был похож на гул дальнего грома. — Особенно когда командир зовёт. Он редко просит о помощи, так что если зовёт, значит, дело серьёзное.

— Серьёзное, — подтвердил Юйлун. — Мы с Ланой хотим съездить к Харуто, но сначала ждём проявки плёнки. И, Бау Шу, перестань называть её невесткой, ты её смущаешь.

— А я не смущаюсь, — подмигнула Лана, и у Юйлуна от этого жеста екнуло сердце. — Мне нравится, что у меня есть защитники. Тем более такие симпатичные.

Бау Шу расхохотался, а Чжао Лин даже усмехнулся — событие редкое. Юйлун почувствовал, что его команда уже успела принять Лану как свою. Это было странно и приятно одновременно.

Оставив ребят в мастерской, Лана и Юйлун вышли из студии и направились к тому самому цветочному магазину. Она уверенно повела его через вереницы домов, и через пять минут они остановились у небольшой витрины, за которой были выставлены горшки с хризантемами и орхидеями.

— Вот здесь, — сказала она, — я заходила вчера.

Юйлун первым вошёл внутрь. За прилавком стоял молодой парень в фартуке, который поливал цветы. Он удивлённо поднял голову.

— Здравствуйте! Чем могу помочь?

— Мы ищем старушку, которая здесь работала вчера, — начал Юйлун. — Она продала моей спутнице цветы и разрешила сфотографировать бабочек.

— Старушку? — парень нахмурился. — Вчера мой магазин был закрыт. Я ездил за город, на поминки моей матери. Здесь никого не было.

— Но я точно была здесь! — воскликнула Лана. — Я разговаривала с ней целых пять минут!

Парень пожал плечами и показал на табличку на двери: «Закрыто по личным обстоятельствам». Она висела явно не один день.

— Простите, девушка, но вы, наверное, ошиблись или перепутали магазин.

— Нет, я не ошибаюсь, — тихо, но настойчиво сказала Лана, но Юйлун уже взял её за руку и потянул к выходу.

— Спасибо, — бросил он парню, — мы разберёмся.

На улице Лана вырвала руку:

— Почему ты меня увёл? Я же не сумасшедшая! Я помню этот магазин, я помню бабочек, я помню её лицо!

— Я тебе верю, — спокойно сказал Юйлун. — Но он не хочет говорить правду. Или она действительно была призраком, или это был кто-то, кто намеренно заманил тебя к тому кургану. И то и другое — не к добру. Лучше оставить это на время. Сначала мы поедem к Харуто. А потом... потом мы найдём эту старушку. Обещаю.

Она посмотрела в его глаза и увидела в них сталь и твёрдую решимость. Она кивнула, хотя внутри всё дрожало.

— Хорошо, — прошептала она. — Я тебе верю.

Юйлун отпустил её руку, но его пальцы всё ещё помнили её тепло. Он перевёл дыхание и позвонил Бау Шу и Чжао Лину.

— Вы пока ждите проявку, а я покажу Лане город. Оставайтесь в мастерской, если Чжи-минь закончит — сразу звоните.

— Так точно, командир! — отрапортовал Бау Шу. — Мы присмотрим за студией. И за конфетами.

Лана с Юйлунгом выехали на мотоцикле. Дождь к тому времени почти стих, оставив лишь лёгкую взвесь влаги в воздухе. Она сидела сзади, держась за пояс Юйлунга, и чувствовала, как ветер играет с её волосами. Лана смотрела на проплывающие рисовые поля, на деревушки с черепичными крышами, на стариков, сидящих под навесами с длинными трубками. Это был другой Китай. Не тот шумный, стеклянный Шанхай, где она жила и училась. Здесь было тихо, мирно, и эта тишина успокаивала её.

— Куда мы? — крикнула она сквозь шум ветра.

— Увидишь! — ответил он, поворачивая голову. — Это одно из моих любимых мест.

Через двадцать минут они остановились у небольшого деревянного моста. Юйлунг заглушил мотор и помог ей слезть. Он взял её за руку — она не сопротивлялась — и повёл по тропинке, которая вилась вдоль реки. Через несколько минут они вышли на поляну, и Лана замерла.

Перед ней был водопад. Он был невысоким, но очень красивым: вода с шумом падала с каменного уступа, разбиваясь на тысячи брызг, в которых играла радуга. Вокруг росли высокие сосны, а у подножия водопада сверкало изумрудное озеро. Воздух был свежим и чистым, пахло мокрым мхом и травой.

— Это моё место, — тихо сказал Юйлунг, стоя рядом. — Я прихожу сюда, когда нужно разобраться в мыслях. Когда мир становится слишком шумным.

Лана повернулась к нему. Он стоял, глядя на водопад, и его лицо было спокойным, почти умиротворённым. Она заметила, что он красивый — не той броской красотой, которая сразу бросается в глаза, а той, которая открывается постепенно. Чёткая линия челюсти, тёмные глаза, которые смотрели на воду с такой нежностью, что у неё защемило сердце.

«Что со мной происходит? — думала она. — Я знаю его меньше суток, а уже чувствую себя в безопасности. Как будто я всегда знала его. Я приехала в Муданьцзян, за новыми идеями и вдохновением, а нашла... его».

— Спасибо, — сказала она вслух. — Что показал. Это волшебное место.

— Я подумал, тебе нужно это увидеть, — он повернулся к ней, и его взгляд стал тёплым. — После вчерашнего. Чтобы ты знала, что не все странные места пугают. Некоторые — дарят покой.

Она улыбнулась, и в этой улыбке было столько тепла, что у него перехватило дыхание.

— Ты умеешь быть нежным, — сказала она. — Хотя я не ожидала от бывшего спецназовца.

— Я умею быть разным, — ответил он с хрипотцой. — Это зависит от того, кто рядом.

Они стояли у водопада, и Лана сняла несколько кадров на свой Canon. Но потом она убрала камеру, закрыла глаза и просто вдохнула этот воздух. Прохладные брызги оседали на её лице, ветер играл с волосами, и она чувствовала, как что-то внутри неё оттаивает. Боль от прошлого уходила на второй план.

Юйлунг не отводил от неё глаз. Он смотрел, как она стоит, полувзглядывая, и всё его существо наполнялось странным ощущением, будто он нашёл то, что искал всю жизнь, сам не зная об этом.

Они пробыли у водопада около часа. Когда солнце начало клониться к закату, Юйлунг предложил:

— У нас есть ещё время. Хочешь, покажу тебе лесопарк Муданьфэн? Это недалеко.

— Веди, — улыбнулась она.

Они проехали ещё несколько километров и оставили мотоцикл у входа в парк. Лесопарк оказался огромным массивом, где вековые сосны уходили в небо на сорок метров. Деревянный настил вился между стволами, и воздух здесь был настолько свежим, что казалось, будто он пахнет мёдом и хвоей.

Они прошли к роднику Лунтоу, который никогда не замерзал даже в самые лютые зимы. Лана зачерпнула воду ладонью и попробовала — она была холодной и невероятно вкусной, с лёгким привкусом металла.

— Местные верят, что эта вода лечит, — сказал Юйлун. — И знаешь, может, в этом что-то есть.

Они поднялись на смотровую башню. Оттуда открывался вид на весь лес и на город, который уже начинал зажигать свои вечерние огни. Небо окрасилось в розовый и золотой, и закат был таким красивым, что она сделала несколько снимков.

— Это самое любимое место местных, — сказал Юйлун, стоя рядом с ней. — Многие приходят, чтобы забыть о проблемах. Подышать.

Лана повернулась к нему. В вечернем свете его лицо казалось особенно серьёзным и красивым. Она поняла, что этот день останется с ней навсегда.

— Спасибо, — сказала она тихо. — За всё. Ты правда умеешь показывать красоту.

— Я всегда хочу показывать тебе красивые места, — сказал он, глядя ей прямо в глаза. — Их ещё много.

В этот момент его телефон завибрировал. Сообщение от Чжиминя и ребят: «Плётка готова. Приходите. Там есть кое-что необычное».

— Нам пора, — сказал он, но не разрывая зрительного контакта. — Чжиминь уже проявил снимки.

Лана кивнула, и они быстро спустились с башни. На обратном пути она снова сидела сзади на мотоцикле, но теперь её руки обхватывали его крепче, и она чувствовала, как его тепло передаётся ей через куртку. Юйлун тоже чувствовал это, и по спине бежали мурашки.

Когда они вошли в студию, Бау Шу и Чжао Лин стояли там, разглядывая разложенные на столе фотографии. Чжиминь сидел на стуле, мрачный и сосредоточенный.

— Что там? — спросил Юйлун.

— Смотрите сами, — Чжиминь указал на снимок, лежащий отдельно.

Лана взяла его и побледнела. На фотографии был тот самый курган, но над ним парила прозрачная фигура женщины в древнем платье. Она держала в руках лотос и смотрела прямо в объектив, как будто знала, что её фотографируют.

— Это она, — выдохнула Лана. — Та самая женщина из моего видения. Я узнаю её лицо.

Она приблизила снимок к глазам и вдруг ахнула.

— И она... она похожа на старушку из цветочного! Только моложе. Гораздо моложе. Но черты лица — те же.

Юйлун взял снимок и долго вглядывался в него. Он не был суеверным, но теперь уже не мог отрицать очевидное. Это была не галлюцинация. Это было нечто настоящее.

— Мы едем к Харуто, — сказал он твёрдо и посмотрел на Лану. — Немедленно. Этот снимок — ключ. Я чувствую.

— Я с вами, — сказал Бау Шу, надевая куртку. — Чжао, ты тоже?

— Да, — коротко ответил великан. — Мы не оставим командира и невестку в беде.

— Опять «невестка», — вздохнул Юйлун, но в голосе не было злости. — Ладно. Собираемся. Если Харуто что-то знает, он должен рассказать.

Лана взяла фотографию, спрятала её в карман куртки и посмотрела в глаза Юйлу. В её взгляде смешались страх и надежда.

— Я готова, — сказала она.

Чжиминь протянул ей кассету с остальной плёнкой.

— Держи, пригодится, и будьте осторожны. То место, где ты сняла это — я знаю его. Это не просто курган. Это старый жертвенник. Там, говорят, открываются двери.

— Какие двери? — спросил Юйлун.

— Между мирами, — тихо ответил Чжиминь. — И если та женщина здесь — значит, кто-то их открыл. И у вас очень мало времени.

Они вышли на улицу, где уже сгущались сумерки. Три мотоцикла стояли под фонарями, готовые к дороге. Дождь прекратился, но небо было тёмным, без единой звезды. В этом мраке таилась угроза, но в груди Юйлуна горел огонь — «Я не отпущу тебя, — думал он, глядя на её силуэт, освещённый жёлтым светом. — Что бы ни случилось, я буду с тобой. И мы разгадаем эту тайну».

Они сели на мотоциклы, и моторы взревели. Впереди была дорога к Харуто и неизвестность. Но в этом движении было что-то правильное, как будто сама судьба вела их вперёд.

Глава 3. Тайна старого художника

Дорога к дому Харуто была живописной — бамбуковые рощи сменялись чайными плантациями, мимо проплывали деревушки с черепичными крышами, где старухи сидели на лавочках и перебирали зелёный горох. Но Лана почти не смотрела по сторонам. Перед её глазами всё ещё стоял тот снимок — прозрачная фигура женщины с лотосом, смотрящая прямо в объектив. Она сидела сзади на мотоцикле Юйлуна, крепко обхватив его пояс, и чувствовала, как его тепло передаётся ей даже сквозь куртку.

«Почему я чувствую себя так спокойно рядом с ним? — думала она. — Я знаю его всего сутки, а уже доверяю ему больше, чем кому-либо за последние годы. Это безумие. Я поклялась никогда больше не подпускать мужчин к своему сердцу, но он... он другой. Он не просит ничего взамен».

Юйлун чувствовал, как она прижимается к нему, и от этого по спине бежали мурашки. Он старался сосредоточиться на дороге, но мысли то и дело возвращались к ней. Её запах — нежный, цветочный, — смешивался с запахом бензина и влажной листвы. Он поймал себя на улыбке.

Сзади на двух других мотоциклах ехали Бау Шу и Чжао Лин. Бау Шу, как всегда, что-то громко напевал, а Чжао Лин молча сканировал дорогу — привычка, оставшаяся с военных времён.

— Командир! — крикнул Бау Шу, поравнявшись. — Мы скоро? Я уже хочу чаю и лепёшек! А то живот к спине прилип!

— Ещё десять минут, — ответил Юйлун, не оборачиваясь. — И прекрати петь, ты пугаешь местных птиц.

— Птицы обожают мой голос! — возмутился Бау Шу, но всё же замолк, вызвав у Ланы улыбку.

Они въехали в старый квартал, где дома были сложены из тёмного камня, а узкие улочки увивал дикий виноград. Дом Харуто стоял в конце тупика, за высоким каменным забором. Когда они заглушили моторы, Лана услышала журчание воды — небольшой фонтанчик в глубине сада.

Они вошли во двор, и Лана почувствовала странное спокойствие. Здесь, среди цветущих кустов пионов и хризантем, время будто остановилось. Казалось, что даже солнечные лучи просачивались сквозь листву с какой-то особенной, почти неестественной мягкостью.

Харуто сидел на веранде с кистью в руке и рисовал на небольшом мольберте. Он был очень стар — его лицо было изрезано глубокими морщинами, а руки, покрытые пятнами краски, слегка дрожали. Но его глаза — чёрные, живые, пронзительные — смотрели на мир с острой, почти хищной ясностью.

Увидев гостей, он отложил кисть, и его морщинистое лицо расплылось в доброй улыбке. Но Юйлун, который знал Харуто много лет, вдруг заметил что-то странное. Улыбка старика была слишком широка, слишком быстрой, как будто он репетировал её перед зеркалом. И его

взгляд, когда он смотрел на Лану, был слишком пристальным — не как у старого художника, любующегося красотой, а как у охотника, наконец увидевшего добычу.

«Что за глупости, — одёрнул себя Юйлун. — Харуто всегда был немного эксцентричным. Я просто переутомился».

— А, Юйлун, какая неожиданность! — сказал Харуто по-китайски, но с мягким акцентом. — И ты привёз красивую гостью. Проходите, проходите, я как раз заваривал чай с жасмином.

Лана шагнула вперёд, и Харуто посмотрел на неё с выражением, которое можно было принять за узнавание, если бы не его глаза. В них на долю секунды мелькнул холодный, оценивающий блеск, который тут же сменился теплотой.

— Лана, — сказал он по-русски, и его голос стал мягче. — Я знал, что ты придёшь. Садись, садись... Ещё тогда, когда ты купила мою картину много лет назад — закат и мотоцикл, — я подумал, что она нашла своего настоящего хозяина. И вот ты здесь.

— Это была я, — подтвердила Лана, садясь за стол, где уже стоял горячий чай и тарелка со сладкими лепёшками. — Но как вы... На рынке всегда было так много людей. Как вы меня запомнили?

Харуто улыбнулся.

— Я не очень помню твоё лицо, — признался он. — Но я запомнил твою душу. Она сияла, когда ты смотрела на ту картину. Я знал, что однажды мы встретимся. И вот — мы встретились.

Юйлун нахмурился. Что-то в этой фразе было не так. Харуто всегда говорил немного витиевато, но сейчас его слова звучали почти заученно, как реплика актёра на сцене. Он сел рядом с Ланой, и его рука инстинктивно легла на спинку её стула — охранительный жест, который он не осознавал.

Бау Шу и Чжао Лин пристроились на краю веранды, почтительно сложив руки на коленях. Харуто обвёл их взглядом и на мгновение задержал глаза на Бау Шу — настороженный, быстрый взгляд, который тут же сменился улыбкой.

— Мы к вам за советом, — сказал Юйлун. — И за ответами.

Харуто кивнул, как будто ждал этих слов. Он перевёл взгляд на Лану, и его глаза на секунду стали холодными, как чёрный лёд.

— Расскажи мне, что ты видела, — попросил он. — Всё, до мельчайших деталей.

Лана начала рассказывать — о том, как заблудилась, как нашла курган, как увидела голубой свет, как женщина в видении назвала её «дочерью хранителей». Она говорила тихо, но внятно, и когда она закончила, на веранде повисла тишина.

Харуто молчал долгую минуту. Потом он встал, подошёл к старому сундуку и достал потёртый кожаный мешочек. Он развязал его и высыпал на стол несколько старых монет и маленький серебряный амулет в форме лотоса.

— Эта женщина — твоя прародительница, — тихо сказал он. — Её звали Ли Хуа. Она жила в восемнадцатом веке и была шаманкой, хранительницей древних знаний. Она видела нити, связывающие прошлое, настоящее и будущее. И она передала этот дар по женской линии. Твоя мать унаследовала его, а теперь он перешёл к тебе.

Юйлун внимательно слушал. Харуто говорил правильно, но в его голосе было что-то чужое — лёгкая вибрация, похожая на возбуждение, которое он старался скрыть. Когда Харуто упомянул мать Ланы, он произнёс это слово с какой-то особенной интонацией, будто знал её лично.

— Но почему я ничего не знала об этом? — спросила Лана, и голос её дрогнул. — Моя мать никогда не рассказывала мне ничего подобного.

— Потому что она хотела защитить тебя, — ответил Харуто. — Она знала, что за этим даром охотятся. Она пыталась скрыть его, заблокировать, чтобы ты жила обычной жизнью. Но

когда она погибла, блок стал еще сильнее от твоих внутренних переживаний. И теперь, когда ты прикоснулась к тому кургану, дар пробудился.

— Какая беда, — прошептала Лана.

Харуто покачал головой.

— Не бойся, дитя. Дар сам по себе не опасен. Опасны те, кто хочет им завладеть.

Юйлун нахмурился.

— О ком вы говорите?

Харуто вздохнул, и этот вздох был слишком глубоким, почти театральным.

— О коллекционере, — ответил он. — Его зовут Чжан Ливэй. Он бывший академик, изучал древние культуры, но сошёл с ума от желания обрести бессмертие. Он считает, что золотой медальон, который хранили твои родители, дарует вечную жизнь. Он уже пытался купить твою картину несколько лет назад, но я отказал ему.

«Мне кажется, или все звучит слишком гладко, — подумал Юйлун. — Харуто всегда был мудрым, но сейчас его слова звучат как заученная речь. Или мне уже мерещится от недосыпа всякое?»

— Медальон? — переспросила Лана. — Что это за медальон?

— Это древний артефакт времён империи Тан, — Харуто подался вперёд, и в его глазах загорелся огонь. — В нём заключена сила двух начал: созидания и разрушения. Он был создан шаманами, чтобы поддерживать равновесие между мирами. Твои родители были его хранителями. Перед тем как они погибли, они спрятали медальон так, чтобы никто не мог его найти. И только ты способна его отыскать.

— Но где он? — спросила Лана.

— Пути к нему сокрыты в твоей картине, — просто ответил Харуто. — Той самой, что ты купила у меня в 2006 году. Твоя мама и я зашифровали в ней координаты тайника. Но увидеть их можешь только ты, Лана. Только твой дар способен прочесть это послание.

Юйлун сжал челюсти. Он чувствовал, что что-то не так. Харуто сказал «твоя мама и я зашифровали» — но раньше он всегда говорил, что картины «сами находят своих хозяев» и что он не вмешивается в их судьбу. Почему он вдруг признался, что сам намеренно вложил тайну в картину?

— Если кто-то уже знает о моей связи с этой картиной, они могут попытаться украсть её, — сказала Лана. — Надо срочно ехать в Шанхай.

— погоди, — остановил её Юйлун. — Мы не можем ехать сломя голову. Сначала нужно подготовиться.

— Он прав, — быстро сказал Харуто. — Вам нужно действовать осторожно. Я дам вам кое-что, что поможет.

Он снова подошёл к сундуку, достал потёртый конверт и протянул его Лане.

— Здесь адрес человека, который поможет вам во Владивостоке, — сказал он. — Это Павел, русский художник. Он тоже имеет отношение к древним знаниям. Он сможет дать вам важную информацию. Но сначала поезжайте в Шанхай и заберите картину. Время не ждёт.

Юйлун взял конверт и задержал его в руках. Он был запечатан воском, и на печати был оттиск — лотос. Тот же, что и на амулете. Но когда он поднёс конверт ближе, он заметил, что воск был свежим, ещё не до конца застывшим. Значит, он знал, что они придут, у него дар предвиденья или это не спроста? И письмо было готово заранее.

«Слишком много совпадений, — подумал Юйлун. — Он знал, что мы приедем. Он подготовил конверт. Он ждал нас. Но почему?»

— Я поеду с тобой, — сказал Юйлун, и это прозвучало не как предложение, а как утверждение. — Я не оставлю тебя одну.

— Но твоя команда? — спросила Лана.

— Они справятся и без меня, — ответил он, бросив взгляд на Бау Шу и Чжао Лина. — Тем более, мы можем разделиться. Я поеду с Ланой в Шанхай, а вы, ребята, останетесь здесь и будете прикрывать тылы.

Он сказал это для Харуто. Он хотел проверить реакцию старика. И он её получил — на долю секунды лицо Харуто исказила лёгкая гримаса разочарования, никто бы ее и не заметил, если бы не наблюдал специально. Он явно не хотел, чтобы его парни оставались здесь. Он хотел, чтобы все уехали в Шанхай. Почему? Или это опять мое воображение и годами выработанная подозрительность ко всему. Харуто ведь всегда был эксцентричным, наверное все же показалось.

— Командир, — Бау Шу встал, — мы сделаем, как скажешь. Только береги невестку, — он подмигнул Лане.

— Я в надёжных руках, — сказала Лана, и в её голосе послышалась лёгкая улыбка.

Юйлун почувствовал, как его сердце пропустило удар. Она назвала его «надёжными руками», и это было приятно, но тревога всё ещё не отпускала его.

— Тогда решено, — сказал Харуто. — Но прежде чем вы уедете, я хочу показать тебе кое-что, Лана. Иди за мной.

Он провёл её в глубину дома, в небольшую комнату, стены которой были увешаны старыми рисунками и картами. Там стоял мольберт с незаконченной картиной — на ней была изображена та же женщина с лотосом, что и на фотографии.

— Я рисовал её всю жизнь, — сказал Харуто, касаясь холста пальцами. Его голос вдруг стал мягче, почти мечтательным. — Она приходит ко мне во снах. Она говорит, что время пришло.

Лана смотрела на картину, и ей казалось, что женщина смотрит на неё в ответ. Но Харуто смотрел не на картину. Он смотрел на неё — на Лану — и в его глазах была такая жадность, что у неё по спине пробежал холодок. Но она отогнала это чувство. «Он просто старый художник, он любит своё искусство», — убеждала она себя. Он отвернулся и вышел, давая Лане время осмотреть все в этой комнате.

Лана присела за стол в мастерской Харуто, пока старый художник вышел за чаем. Её взгляд упал на старый свиток, лежащий на полке. Он был потёртым, с выцветшими красками, но что-то в нём притягивало её взгляд. Она подошла и осторожно развернула его, и замерла.

На свитке была изображена женщина в древнем платье — та самая, которую она видела в видении. Но рядом с ней стоял мужчина с мечом, и в их руках был медальон — наверное именно про него рассказывал Харуто, тот что мне нужно найти. Вокруг них кружились драконы и фениксы, и их чешуя, казалось, светила изнутри.

— Ты нашла его, — раздался голос Харуто. Он стоял в дверях с чашками чая в руках. — Я знал, что ты найдёшь этот свиток.

— Кто это? — спросила Лана, не отрывая взгляда от изображения. — Кто эти люди?

Харуто поставил чай на стол и сел напротив. В его глазах была глубокая, почти печальная мудрость.

— Это Ли Хуа и её муж, воин по имени Шэн. Они были первыми хранителями медальона. Это было в эпоху Тан, более тысячи лет назад. Легенда гласит, что медальон был создан не руками людей, а самими небесами. Он упал на землю вместе с падающей звездой, и те, кто нашёл его, были избраны, чтобы хранить равновесие между мирами.

— Но почему именно они? — спросила Лана, чувствуя, как её сердце начинает биться быстрее.

— Потому что они были чисты сердцем, — ответил Харуто. — Ли Хуа была шаманкой, она видела нити судьбы. Шэн был воином, который защищал слабых. Вместе они были идеальной парой — одна видела, другой защищал. Их любовь была настолько сильной, что медальон откликнулся на неё и передал им свою силу.

Лана провела пальцами по изображению на свитке, и ей показалось, что она чувствует тепло, исходящее от древней бумаги.

— А что случилось с ними? — спросила она.

Харуто вздохнул, и в его взгляде мелькнула тень.

— Они погибли, защищая медальон от тех, кто хотел использовать его силу для зла. Но перед смертью они передали его своим детям. И так, из поколения в поколение, медальон переходил к тем, кто был достоин. К тем, кто мог любить и защищать.

Лана смотрела на свиток, и ей казалось, что она слышит голоса из прошлого. Она чувствовала, как нити судьбы переплетаются вокруг неё, связывая её с этой древней историей.

«Я часть этого, — думала она. — Я часть этой истории. И я не позволю ей оборваться».

Когда они вернулись на веранду, Юйлун уже обговаривал план действий.

— Мы выезжаем в Шанхай завтра утром, — сказал он. — Лана, ты успеешь собраться. Я забронирую билеты на самолёт. Вы, ребята, остаётесь здесь, приглядываете за дедом Ваном и за домом Харуто.

Он специально сказал «за домом Харуто», чтобы проверить реакцию старика.

— Я не думаю, что это необходимо, — быстро сказал Харуто. — Чжан Ливэй не посмеет приблизиться к моему дому.

— Лучше перестраховаться, — ответил Юйлун, не сводя с него глаз.

Они попрощались. Харуто обнял Лану на прощание. В его взгляде было что-то собственническое, почти хищное.

«Что с ним не так? — думал Юйлун, садясь на мотоцикл. — Я знаю его пятнадцать лет. Он всегда был странным, но сейчас... сейчас он выглядит как человек, который вот-вот сорвёт джекпот. Он не просто хочет помочь Лане. Он хочет получить что-то для себя».

Обратная дорога прошла в тишине. Лана сидела сзади, прижимаясь к Юйлуну, и он чувствовал, как она дрожит — то ли от холода, то ли от нервов. Когда они добрались до гостиницы, Юйлун проводил её до номера, но не ушёл.

— Лана, — сказал он, беря её за руку. — У меня странное чувство. Нам нужно быть осторожными.

— Ты о чём? — она нахмурилась.

— О Харуто. Не знаю, как объяснить. Я знаю его много лет, но сегодня... он был другим. Слишком говорливым. Слишком возбуждённым. Он говорил о Чжан Ливэе так, будто знал его лично.

— Он сказал, что тот пытался купить картину, — напомнила Лана.

— Да, но... он знал слишком много о твоих родителях. О твоём даре. О том, что ты видела. И конверт был запечатан свежим воском — он приготовил его до того, как мы приехали.

Лана побледнела. Её пальцы, сжимавшие край толстовки, побелели от напряжения. Она смотрела на Юйлуну широко раскрытыми глазами, и в них плескался страх, который она пыталась скрыть.

— Ты думаешь, он что-то скрывает? — спросила она, и голос её дрожал. — Ты думаешь, Харуто... он не тот, за кого себя выдаёт?

— Не знаю, — честно признался Юйлун, и в его голосе была та осторожная твёрдость, которая появлялась у него только в самые опасные моменты. — Но я хочу, чтобы ты была осторожна. Мы поедem в Шанхай, заберём картину, а потом уедем. Мы не будем задерживаться. Ни на минуту.

Она кивнула, но в её глазах появилась тревога, которая не исчезала, а только росла, заполняя всё её существо. Она смотрела на него, и в её взгляде был немой вопрос: «А если мы опоздаем? А если он уже знает?»

Юйлун подошёл к ней и взял её за руки. Его пальцы были тёплыми и уверенными, и она почувствовала, как его спокойствие передаётся ей.

— Я не оставлю тебя одну, — сказал он. — Я обещал тебе это. Но мне нужно предупредить деда и забрать кое-какие вещи. Я вернусь через час. Ты будешь ждать меня здесь?

— Я буду ждать, — сказала она, и в её голосе была та же решимость, которую он видел в ней раньше.

Он вышел из номера, оставляя её одну. Лана слышала, как его шаги затихают в коридоре, и чувствовала, как тишина начинает давить на неё. Она подошла к окну и посмотрела на ночной город, который сверкал огнями, и ей казалось, что эти огни — как глаза, которые следят за ней.

Когда Юйлун вышел из гостиницы, его телефон завибрировал. Бао Шу.

— Командир, — голос его был напряжённым, как струна, готовая лопнуть, — мы заметили чёрный внедорожник. Он кружит вокруг дома Харуто уже час. Судя по номерам, он из Шанхая. Мы не можем понять, что они делают — просто ждут или готовятся к чему-то.

— Это Чжан Ливэй, — сказал Юйлун, и в его голосе была сталь. — Или кто-то из его людей. Они следят за Харуто.

— Но здесь странное дело, командир, — голос Бао Шу стал тише, почти шёпотом. — Мы видели, как Харуто вышел из дома, повесил старый фонарь на крыльцо и зажёл его. И через минуту внедорожник тут же уехал. Как-то странно, то ли они не увидели то, что хотели увидеть, то ли им подали знак и они уехали.

Юйлун замер. В груди похолодело, и сердце забилося чаще. Фонарь. Сигнал. Это было слишком похоже на условленный знак.

— Ты уверен? — спросил он, и его голос стал жёстким.

— Абсолютно. Мы с Чжао Лином оба видели это. Харуто не выглядел испуганным. Он был спокоен. Слишком спокоен.

Юйлун сжал телефон так сильно, что побелели костяшки пальцев. Внутри него закипала ярость, смешанная с ужасом. Вполне возможно, Харуто был частью этой игры. Быть может, он как-то связан с Чжан Ливэем. И если это так, то он намеренно отправил Лану в Шанхай, чтобы она принесла ему картину — и медальон. Он использовал её доверие, её надежду, её веру в добро.

— Ничего не предпринимайте, — сказал он, заставляя голос звучать ровно. — Следите издалека. Не приближайтесь. Если они что-то заметят, они могут испугаться и уйти глубже в тень.

— Понял, командир, — сказал Бао Шу. — Мы на месте.

Юйлун повесил трубку и посмотрел на окна гостиницы, где горел тёплый свет в номере Ланы. Он видел её силуэт — она стояла у окна, и её плечи были напряжены. Она ждала его. Она верила ему.

Внутри него боролись два чувства: желание немедленно вернуться к ней и необходимость предупредить деда. Он знал, что если Харуто действительно предатель, то они в опасности, но ведь он мог и ошибаться. Но он не мог оставить её одну на целый час. Он не мог позволить страху снова разлучить их.

Он достал телефон и набрал номер деда Вана. Старик ответил после второго гудка.

— Внучек? Что случилось? — голос деда был сонным, но настороженным.

— Дедуль, слушай меня внимательно, — сказал Юйлун, и его голос был тихим, но твёрдым. — Я не могу объяснить всё сейчас, но я не вернусь домой сегодня.

— Что-то случилось? — голос деда стал тревожным. — Или кто-то случился, — и тут его голос стал лукавым.

— Возможно, — сказал Юйлун. — Я сам не знаю.

— Хорошо, внучек, — сказал дед, и в его голосе была та же твёрдость, которую Юйлун помнил с детства. — Я буду ждать тебя. И береги себя.

Юйлун положил трубку и посмотрел на окна гостиницы. Он принял решение. Он не поедет к деду сегодня. Он останется с Ланой. Она была важнее. Она была его жизнью.

Он развернулся и пошёл обратно в гостиницу. Когда он постучал в номер, Лана открыла дверь неспеша, проверив в глазок, кто это пришел в такой час. Она посмотрела на Юйлуна своими синими бездонными глазами, и он уловил в ее взгляде надежду и тревогу.

— Ты не уехал? — спросила она.

— Я не могу оставить тебя одну, — сказал он, подходя к ней. — Я передумал. Я останусь с тобой. Всё остальное подождёт.

— Но бабушка... — начала она.

— Я предупредил его, — сказал он. — Он в безопасности. А ты возможно — нет.

Она посмотрела на него, чувствуя, как взгляд его теплых карих глаз обнимает её, как его тепло разливается по её телу. Она знала, что он был рядом. И это давало ей силы.

Глава 4. Шанхайское признание

Вечером они сидели в номере гостиницы «Золотая сосна». За окном дождь стих, и ночь была тихой, звёздной, с лёгким ветерком, который доносил запах мокрых листьев. Лана сидела на краю кровати, обхватив колени руками, и перебирала в уме всё, что сказал Харуто. Её мысли путались, как нитки в старом клубке. Она пыталась найти логику в том, что казалось безумием, но не могла. Слишком много совпадений, слишком много тайн.

Юйлун сидел в кресле у окна и писал сообщения деду и парням. Он уже договорился о билетах на завтрашний рейс в Шанхай, но пальцы его слегка дрожали. Он не мог выбросить из головы ту сцену у дома Харуто — про ту о которой рассказал Бао Шу.

«Либо они его шантажируют, — думал Юйлун, — либо он сам как-то связан с Чжан Ливэем. Но зачем ему тогда было рассказывать Лане про медальон? Чтобы она сама нашла его и принесла ему? Чтобы он не пачкал руки?»

Он взглянул на Лану. Она казалась такой хрупкой в этом полумраке, такой потерянной. Он хотел сказать ей, что Харуто, возможно, не тот, за кого себя выдаёт. Но слова застряли в горле. Как он мог разрушить её надежду, её веру в то, что у неё есть союзник и наставник? Слишком рано. Сначала нужно собрать доказательства. Но, глядя на неё, он понимал, что не может больше молчать.

— Лана, — сказал он, и его голос был мягким, но серьёзным. — Нам нужно поговорить о Харуто.

Она подняла на него глаза, и в них была тревога.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

— Я не уверен, что ему можно доверять, — сказал он, и каждое слово давалось ему с трудом. — Я видел, как он общался с людьми, которые, возможно, связаны с Чжаном. Это может быть совпадением. Но я не хочу рисковать.

— Ты думаешь, он... он предатель? — спросила она, и её голос дрожал. — А если нет, и мы зря его подозреваем?

Лана удивилась. Она доверяла Харуто — он был тем самым художником, чья картина изменила её жизнь. Но в голосе Юйлуна звучала такая тревога, что она не могла его игнорировать.

— Я не знаю, — честно признался он. — Но я хочу, чтобы ты была осторожна. Мы поедem в Шанхай, заберём картину, а потом уедem. Мы не будем задерживаться.

Она кивнула, соглашаясь с его планом, но с надеждой в глубине души, что Харуто не предатель, она всегда верила в лучшее в людях. Они сидели в тишине, и ночь была тёплой и спокойной.

Но где-то в глубине души она знала, что завтрашний день принесёт новые испытания. И она была готова к ним.

— Юйлун, — позвала она, не поворачивая головы. Голос её был тихим, почти шёпотом.

— Ммм? — он поднял глаза.

— Ты не боишься? Всего этого? — она повернулась к нему, и в лунном свете её синие глаза казались почти прозрачными. — Шаманки, медальоны, древние тайны... Я художник. Я рисую цветы и закаты. А теперь я должна найти какой-то артефакт и спасти мир?

Он задумался, глядя на луну за окном. Он боялся. Боялся за неё, за то, что может случиться, если Харуто окажется врагом. Но он не мог сказать ей об этом сейчас.

— Я не боюсь, — сказал он наконец. — Я боялся вчера, когда понял, что ты пропала. А теперь я знаю, что мы можем это сделать. Я буду рядом.

Она встала с кровати и подошла к нему. Он поднял на неё глаза, и в темноте ночи она увидела его лицо — мужественное, серьёзное, но с мягкостью во взгляде, которая тронула её сердце.

— Спасибо, что ты здесь, — сказала она тихо.

Он протянул руку и положил ладонь на её ладонь. Её пальцы были холодными, и он согрел их своим теплом. Они сидели так несколько минут, не говоря ни слова. Тишина была тёплой и полной, как дыхание.

Они ещё немного посидели молча, а потом Лана легла на кровать, и Юйлун укрыл её пледом, который нашёл в шкафу. Он остался в кресле, наблюдая за её дыханием, и когда она уснула, тихо достал телефон и написал Бау Шу: «Следите за Харуто. Особенно ночью. Мне нужно знать, куда он ходит и с кем встречается. Если он связан с Чжан Ливэем, он не сможет долго сидеть на месте».

Ответ пришёл через минуту: «Понял, командир. Мы на посту. Спи спокойно».

Юйлун не спал. Он сидел в кресле и вслушивался в ночь, готовый броситься на защиту в любой момент.

Утром они уже собирались выезжать. Завтрак был быстрым — чай и рисовые лепёшки, которые дедушка Ван принёс самолично в корзинке, накрытой льняным полотенцем. Старик смотрел на них с хитринкой в глазах, и улыбка его была шире обычного.

— Ну что, внучек, — сказал он, похлопав Юйлуна по плечу, — кажется, ты нашёл себе невесту.

Юйлун поперхнулся чаем и закашлялся, чуть не опрокинув чашку. Лана покраснела, но улыбнулась — эта шутка уже не была для неё такой неловкой, как вчера.

— Дедушка, мы просто друзья, — сказала она, но голос её звучал не слишком убедительно.

— Я знаю, знаю, — хитро прищурился дед. — Но я старый и вижу, как вы смотрите друг на друга. У вас всё будет хорошо. Ты, Юйлун, — он ткнул внука пальцем в грудь, — всегда был слишком серьёзным. А эта девушка тебя растопила. Я рад.

Лана взяла свою сумку и направилась к выходу, чтобы скрыть смущение, но у двери обернулась и быстро сказала:

— Спасибо, дедушка Ван. За заботу. Мы обязательно вернёмся и расскажем вам всё.

Юйлун догнал её на улице.

— Не обращай внимания на деда, — сказал он, беря её за руку. — Он всегда так.

— А если я не хочу, чтобы он шутил? — вдруг спросила она, и в голосе её звучала такая откровенность, что он замер. — Если я когда-то решу, что я хочу, чтобы всё было по-настоящему?

Она сама не знала, как эти слова вырвались у неё. Но в глубине души, там, где лёд уже начал таять, она поняла, что сказала правду. Она больше не хотела прятаться.

Юйлун смотрел на неё, и в его глазах загорелся тёплый свет — тот самый, который он показывал только ей.

— Тогда... я подумаю над этим, — сказал он с хрипотцой. — Но сначала — мы должны найти картину. И медальон. А потом... потом я скажу тебе всё, что чувствую.

— Договорились, — улыбнулась она.

Самолёт до Шанхая летел чуть больше двух часов, но Лане они показались вечностью. Она сидела у иллюминатора и смотрела на облака, стараясь упорядочить мысли. Харуто сказал, что в картине зашифровано местонахождение медальона, но она не знала, как его прочесть. Её дар пробудился, но она ещё не умела им пользоваться.

Рядом через проход сидел Юйлун. Он делал вид, что читает журнал о мотоциклах, но на самом деле следил за каждым пассажиром, за каждым движением в салоне. Привычка, выработанная годами службы, не отпускала его даже сейчас. Он заметил мужчину в тёмном костюме, который сидел в двух рядах позади и слишком часто поглядывал в их сторону. Обычный пассажир? Или один из людей Чжан Ливэя?

Юйлун сделал вид, что поправляет сумку, и краем глаза засёк, что мужчина что-то быстро печатает в телефоне. Сердце сжалось. Он не хотел пугать Лану, но нужно было быть начеку.

Лана, не оборачиваясь, вдруг спросила:

— Почему ты на меня смотришь?

— Потому что ты красивая, — ответил он просто, не отрывая взгляда от журнала.

Она повернулась к нему и уставилась в его тёмные, серьёзные глаза.

— Ты всегда такой прямолинейный?

— Только когда говорю правду.

Она хотела что-то ответить, но слова застряли в горле. Она не привыкла к комплиментам без умысла. Стас говорил ей это, только когда хотел чего-то добиться. А Юйлун говорил так, будто это было естественно, как дыхание.

— Спасибо, — выдавила она наконец и почувствовала, как щёки заливают румянец.

Он улыбнулся и вернулся к журналу, но через минуту закрыл его и повернулся к ней.

— Вы когда-нибудь были влюблены? — вдруг спросила она, сама не ожидая такого вопроса.

— Это вопрос с подвохом? — усмехнулся он.

— Нет, просто так. Я думаю, что каждый человек хотя бы раз в жизни любил по-настоящему.

Юйлун задумался. Он вспомнил девушку из академии — красивую, ветреную, которая бросила его ради другого. Тогда ему казалось, что это любовь. Но сейчас, глядя на Лану, он понимал, что это было просто увлечение, игра.

— Я думал, что был, — ответил он наконец. — Но теперь понимаю, что это было не то. Я просто увлекался. А настоящая любовь... она другая.

— Какая? — спросила она, и голос её был тихим.

— Она приходит не тогда, когда ты её ждёшь. И она не всегда красива. Иногда она пугает, потому что ты не знаешь, как с ней справиться. Но если она настоящая, ты готов идти за ней хоть на край света.

Лана отвела взгляд. Эти слова отозвались в ней болью и надеждой одновременно. Она почувствовала, что он говорит о ней — и это пугало её так же сильно, как и согревало.

В Шанхае было жарко и влажно. Город встретил их шумом, запахом выхлопных газов и жареных уток. Лана вела Юйлуна по узким улочкам старого Пуси, которые помнила до последнего изгиба, до последней вывески. Она чувствовала себя здесь как дома, но в то же время этот дом был чужим — она не была здесь больше года, и город изменился, как и она сама.

Они остановились перед старым серым зданием с коваными решётками на окнах. Лана достала ключи, и они повернулись в замке с застарелым скрипом.

Внутри пахло пылью и временем. Она прошла по коридору, касаясь рукой стен, как будто здоровалась со старым другом. Всё было на своих местах — мебель в чехлах, лёгкий слой пыли, фотографии родителей на стене. Она задержалась у одной из них — мама и папа, молодые, счастливые, держатся за руки. У мамы были такие же синие глаза, как у неё.

— Здесь всё так же, — сказала она тихо. — Как будто время остановилось.

Юйлун стоял рядом и молчал, давая ей пространство. Он заметил, как её пальцы дрожат, когда она касалась рамки с фотографией. Он хотел обнять её, но сдержался — она должна была пройти через это сама.

Она вошла в комнату, где на стене висела картина — закат, мчащийся в вечность мотоцикл, силуэт человека. Лана замерла. Сейчас, глядя на неё, она видела под слоем краски едва заметные линии, которые раньше не замечала.

— Она здесь, — выдохнула она.

Она достала из сумки свой старый «Зенит» и навела объектив на картину. Когда она посмотрела в видоискатель, её сердце забилося быстрее. Линии засветились ярко-голубым светом, как в ту ночь у кургана. Они переплетались, образуя схему — не просто пейзаж, а настоящую карту города.

— Ты видишь это? — спросила она Юилуна, не отрывая глаз от видоискателя.

— Вижу только красивый закат, — ответил он, подходя ближе. — И мотоцикл.

— А я вижу линии. Они сплетаются в карту. Это Владивосток, — сказала она, узнавая очертания родного города. — Мой родной город. Там, в старом центре, есть одно место — дом, где жили мои родители. Там может быть что-то важное.

— Тогда мы едем во Владивосток, — решительно сказал Юйлун. — Но сначала нужно снять картину и спрятать её в надёжное место.

Они аккуратно сняли холст, завернули в пузырчатую плёнку и поместили в специальный тубус. Пока Лана упаковывала кисти и краски, Юйлун несколько раз проверил окна и двери. Он заметил, что входная дверь была приоткрыта чуть шире, чем он её оставил. И на коврике у порога лежала влажная визитка — её там не было, когда они входили.

Он поднял визитку. На ней было вытиснено золотом: «Чжан Ливэй. Коллекционер антиквариата. Шанхай». Внизу — номер телефона. Кто-то оставил её намеренно. Предупреждение? Или приглашение?

— Что там? — спросила Лана, заметив его напряжённое лицо.

— Ничего, — он сунул визитку в карман. — Просто старый мусор. Пойдём, нам пора.

Он не хотел говорить ей о визитке. Не сейчас. Ему нужно было сначала обдумать это. Если Чжан Ливэй уже знает, где они, значит, они должны уехать как можно скорее.

— У нас есть пара часов до вылета, — сказал он, стараясь говорить ровно. — Хочешь увидеть Шанхай не с высоты небоскрёбов, а с земли?

Лана устало улыбнулась. День был долгим, но внутри неё было странное чувство — будто она не хотела расставаться с этим днём, с этим городом, с человеком, который шёл рядом.

— Покажи мне что-то красивое, — попросила она.

Он взял её за руку, и они вышли на улицу. Юйлун вёл её по старым улочкам, где в окнах домов горели тёплые огни, а воздух был пропитан запахом уличной еды. Они прошли мимо лавок с сувенирами, мимо чайных домов, где за столиками сидели старики и играли в маджонг.

А потом они вышли на набережную Бунд.

Это было одно из тех мест, которые заставляют сердце биться быстрее. С одной стороны — старые колониальные здания, хранящие память о прошлых веках. С другой — сверкающие небоскрёбы Пудуна, похожие на огромные иглы, пронзающие вечернее небо. Между ними — тёмная, медленная река Хуанпу, отражающая огни, как жидкое золото.

Лана остановилась у парашута и замерла. Ветер с реки шевелил её волосы, и в этом ветре было что-то — то ли обещание, то ли воспоминание.

— Красиво, — сказала она тихо.

— Очень, — ответил он, но смотрел не на небоскрёбы, а на неё.

Она заметила и смущённо отвела глаза.

— Юйлун, — начала она, — можно тебя кое-что спросить?

— Спрашивай.

— Тебе не кажется, что мы встречались раньше? — спросила она, и в голосе её звучало сомнение. — Я не про вчерашний день. Раньше, много лет назад. У меня такое странное чувство... Будто я уже стояла с тобой рядом, будто я уже видела твои глаза. Это глупо, да?

Юйлун замер. Сердце забилося быстрее. Он знал ответ на этот вопрос с той самой минуты, как увидел её фотографию у деда Вана. Но он не знал, как сказать ей об этом, не напугав. Однако сейчас, глядя на её растерянное лицо, он понял, что больше не может молчать.

— Нет, — сказал он. — Не глупо.

Он взял её за обе руки и посмотрел прямо в глаза. В его взгляде было столько тепла, что у Ланы перехватило дыхание.

— Лана, — сказал он, — что ты помнишь о ночи 2010 года? О пляже в Шанхае?

Она вздрогнула. 2010 год. Пляж. Та самая ночь, когда она сидела на песке и плакала, когда мир рухнул, когда она потеряла всё. Она никогда никому не рассказывала об этом.

— Откуда ты знаешь об этом? — спросила она, и голос её дрогнул.

— Потому что я был там, — ответил он. — Ты не помнишь меня, потому что было темно, и ты плакала. Но я помню тебя. Ты сидела на песке, а потом к тебе подошёл молодой человек с маленькой девочкой на руках. Это был я.

Лана широко раскрыла глаза. Воспоминания, разрозненные и туманные, начали складываться в картину. Молодой человек. Маленькая девочка. Урны с прахом. Она взяла на руки плачущего ребёнка и спела ему колыбельную.

— Это был ты? — прошептала она. — Тот парень? С Мико?

— Да, — ответил он. — Это был я. Ты успокоила её, ты спела ей песню, а потом ушла. Я не знал твоего имени, я не знал, как тебя найти. Я искал тебя несколько месяцев, но ты исчезла. А потом, через пятнадцать лет, я увидел твоё фото у деда Вана и узнал тебя.

Лана стояла, не в силах пошевелиться. Мир вокруг неё кружился, но в этом кружении было что-то правильное, неизбежное.

— Я не верила в судьбу, — сказала она тихо. — Я думала, что это сказки. Но если это не судьба, то что?

— Я тоже не верил, — сказал он. — Пока не встретил тебя снова.

Она посмотрела на него, и в её глазах блеснули слёзы — но это были слёзы облегчения, а не боли.

— Зачем ты искал меня? — спросила она.

— Потому что ты была единственной, кто показал мне, что такое доброта без причины, — ответил он. — Ты появилась из ниоткуда и успокоила мою племянницу, когда я был на грани отчаяния. Ты дала мне надежду. И я хотел сказать тебе спасибо. А теперь... теперь я рад, что нашёл тебя.

Она не выдержала. Она сделала шаг к нему и обняла его, прижимаясь лицом к его груди. Она чувствовала, как бьётся его сердце, как его руки обнимают её, и в этом объятии было столько тепла, сколько она не чувствовала никогда.

— Я тоже рада, — прошептала она. — Что ты нашёл меня.

Они стояли так на набережной, под огнями Шанхая, и время для них остановилось. Ветер с реки касался их лиц, и в этом ветре было что-то древнее и вечное, как сама любовь.

Она подняла голову и заглянула ему в глаза.

— Юйлун, — сказала она, — я не знаю, что будет дальше. Я боюсь. Но я знаю, что хочу быть рядом с тобой.

— И я хочу быть рядом с тобой, — ответил он. — Что бы ни случилось.

Они поцеловались, и в этом поцелуе было всё — прошлое, настоящее и будущее. Город шумел вокруг, но они не слышали ничего, кроме биения своих сердец.

Когда они отстранились, Лана улыбнулась — той самой улыбкой, от которой у него перехватывало дыхание.

— Так вот почему ты так настойчиво искал меня в горах, — сказала она. — Ты знал меня.

— Знал, — подтвердил он. — И не мог оставить тебя там одну.

Они ещё немного постояли, глядя на огни, а потом Юйлун сказал:

— Нам пора в аэропорт. Во Владивостоке нас ждёт тайна твоих родителей.

Лана кивнула и взяла его за руку. Но когда они развернулись, чтобы уйти, Юйлун заметил в толпе знакомый силуэт — тот самый мужчина в тёмном костюме из самолёта. Он стоял у колонны и делал вид, что говорит по телефону, но взгляд его был устремлён на них.

Юйлун сжал руку Ланы чуть крепче, но ничего не сказал. Он улыбнулся ей, чтобы она не заметила его тревоги, и повёл её прочь. В кармане его куртки лежала визитка Чжан Ливзя, и он знал — за ними следят. Вопрос был только в том, кто и когда нанесёт удар.

Они сели в такси и поехали в аэропорт. Лана прильнула к его плечу, усталая, но счастливая. А Юйлун смотрел в заднее окно и видел чёрный внедорожник, который неотступно следовал за ними. Он достал телефон и написал Бау Шу: «Они знают, где мы. Харуто скорее всего это ключ к разгадке. Следите за ним постоянно. Он не должен уйти».

Ответ пришёл через минуту: «Приняли. Он только что уехал из дома на машине, но вернулся быстро. Будьте осторожны, командир».

Юйлун убрал телефон и обнял Лану, прижимая её к себе. Он не знал, что ждёт их во Владивостоке. Но он знал одно: он будет защищать её до последнего. Даже если враг оказался тем, кому они доверяли.

Глава 5. Владивосток: дом, где ждут

Когда самолёт пошёл на снижение, Лана прильнула к иллюминатору, и сердце её забилось чаще. Внизу, в серой дымке облаков, проступали знакомые очертания: бухта Золотой Рог с застывшими кораблями, мосты, перекинутые через воду, как кружевные нити, и сопки, покрытые зеленью, которые спускались к морю. Она не была здесь почти два года, но каждый раз, когда видела этот пейзаж с высоты, внутри разливалась странная смесь тоски и радости. Тоска по прошлому, радость от возвращения.

— Это он? — спросил Юйлун, выглядывая из-за её плеча. — Владивосток?

— Он самый, — ответила она, и голос её дрогнул. — Суровый, ветреный, но красивый. Как и его люди. Здесь всё по-настоящему: море, ветер, скалы. И люди здесь такие же — прямые, честные, без фальши.

Он взял её за руку и сжал, давая почувствовать, что он рядом. В этом жесте было столько молчаливой поддержки, что Лана улыбнулась, хотя на глазах выступили слёзы.

— Спасибо, что прилетел со мной, — сказала она тихо. — Я знаю, это не самое простое путешествие. Ты бросил свои дела, свою команду... ради меня.

— Я здесь, потому что хочу быть здесь, — ответил он, глядя ей прямо в глаза. — И потому что ты нужна мне, Лана. Не просто как «задание» или «миссия». Ты нужна мне как человек.

Она посмотрела на него, и в её синих глазах блеснула благодарность, смешанная с чем-то более глубоким, чему она пока боялась дать имя. Но внутри неё уже росло понимание: этот мужчина стал для неё чем-то большим, чем просто телохранителем или попутчиком.

— Юйлун, — спросила она, отрываясь от иллюминатора, — а что с Мико? Ты мне почти ничего о ней не рассказывал. Ей ведь уже... пятнадцать? Шестнадцать?

Он чуть заметно напрягся, и Лана заметила это. На миг в её груди кольнула тревога — старая, привычная, оставшаяся после Стаса. «Неужели он что-то скрывает?» — мелькнула нехорошая мысль. Но она тут же одёрнула себя: Юйлун не похож на Стаса. Он другой.

— Шестнадцать, — ответил он, и в его голосе послышалась мягкая грусть. — Она живёт в Пекине, учится в Академии художеств. Мы редко видимся, но я стараюсь приезжать к ней хотя бы раз в месяц. Иногда она приезжает ко деду в Муданьцзян, но это реже — у неё учёба, друзья, свои планы.

— Она живёт одна? В шестнадцать лет? — Лана не смогла скрыть удивления.

Юйлун покачал головой и, словно прочитав её мысли, мягко улыбнулся:

— Ты думаешь, я её бросил? Нет. После смерти сестры и зятя я и дед Ван взяли опеку. Но Мико с самого детства была самостоятельной, как её мать. Два года назад она попросила разрешения переехать в Пекин, чтобы учиться у лучших преподавателей. Я снял ей квартиру, нашёл хорошую семью, которая присматривает за ней, и каждые три месяца навещаю. Она счастлива, Лана. И я рад, что могу дать ей такую возможность.

Лана почувствовала, как камень свалился с души. Она видела по его глазам, что он говорит правду. И этот его спокойный, ровный голос, в котором звучала отеческая гордость, окончательно развеял её сомнения.

— Прости, — сказала она, касаясь его руки. — Я не должна была...

— Ничего, — он накрыл её ладонь своей. — Ты имеешь право знать. И я рад, что ты спросила. Знаешь, когда я увидел тебя на пляже тогда, с Мико на руках, я подумал: «Вот женщина, которая умеет любить». И я не ошибся.

Она покраснела и отвела взгляд, но улыбка не сходила с её лица.

Владивосток встретил их настоящим летним пеклом. Едва они вышли из здания аэропорта, как на них обрушилась тяжёлая, влажная духота. Воздух, казалось, можно было пить — настолько плотным и густым он был от морской соли и испарений. Солнце стояло высоко, плавило асфальт, заставляя дрожать воздух над ним. Пахло морем, дизельным топливом — запахом, который Лана узнала бы из тысячи других.

— Боже, какая жара, — выдохнула она, прикрывая глаза от солнца. — Я совсем забыла, каким душным бывает здесь лето. Кажется, даже море сегодня дышит паром.

Юйлун, для которого влажный климат Приморья был в новинку, молча кивнул, снимая лёгкую куртку и перекидывая её через руку. Он оглядывался по сторонам с настороженным интересом человека, впервые оказавшегося в незнакомом городе. Его глаза цеплялись за каждую деталь: за машины, за людей. Привычка, выработанная годами службы.

— Твой город выглядит... сурово, — сказал он, когда они сели в такси и появились первые очертания города. — Но в этом есть своя красота.

— Ты ещё увидишь, — улыбнулась Лана. — Он раскрывается не сразу. Как человек, которому нужно довериться.

Она уточнила водителю адрес Ольги, и такси покатило по знакомым улицам. Лана смотрела в окно на серые панельные дома, на зелёные холмы, на море, которое то появлялось, то исчезало за поворотами. Каждый дом, каждый перекрёсток вызывал в ней воспоминания.

Они подъехали к знакомому кирпичному дому на Океанском проспекте. Лана помнила этот дом, этот двор, где прошло почти всё её детство. Двор был уютный, огороженный со всех сторон домами. Справа — просторная парковка для жильцов, слева, за живой изгородью — детская площадка, на которой сейчас веселилась детвора. Лана улыбнулась, услышав знакомый звонкий смех.

— Вот здесь мы с Ольгой в детстве катались на велосипедах, — сказала она, показывая на пустырь, заросший травой. — А там был киоск с мороженым, который мы обожали. А вон тот двор — там жила бабушка Маруся, которая всегда угощала нас пирожками.

Юйлун слушал, и в его глазах теплело. Он видел, как она оживает, как её голос становится мягче, как улыбка появляется чаще. Он понимал, что это место — её корни, её прошлое. И он чувствовал, что разделяет с ней что-то важное.

— Красивый город, — сказал он. — И ты здесь такая... своя.

— Да, — ответила она, глядя в окно. — Я здесь выросла. Здесь всё помнит меня, — сказала она тихо. — Здесь я впервые влюбилась, здесь плакала и смеялась. Это мой дом.

Она набрала код видеодомофона, и через минуту в динамике раздался знакомый голос:

— Аллю?

— Оль, это я, — сказала Лана, и голос её дрогнул. — Можно подняться?

— Лана?! — воскликнула Ольга. — Ты ли это?! Да ещё и не одна? Быстро поднимайтесь! Я уже предупреждаю охрану.

Дверь щёлкнула, и они вошли в подъезд. Пахло свежей краской, цветочными горшками и ещё чем-то неуловимо домашним. В коридоре им навстречу вышел охранник в форме.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровался он. — Вы к кому и в какую квартиру?

— Мы в 33-ю, к Ольге Владимировне, — ответила Лана.

— Да-да, точно, — улыбнулся охранник. — Она меня предупредила. Проходите, лифты вон там. Если вы останетесь на несколько дней, пусть Ольга Владимировна зарегистрирует вас на посту.

— Хорошо, я обязательно передам.

Когда они отошли, Юйлун негромко спросил:

— Здесь всегда такая охрана?

— Да, — ответила Лана, вызывая лифт. — У Оли тут половина жильцов — сотрудники суда и полиции, другая половина — начальники и судьи. Без регистрации не пропустят даже с ключом.

— Неплохая система, — заметил Юйлун, и в его голосе послышалось одобрение. — Значит, посторонним сюда не пробраться.

Они поднялись на восьмой этаж. Ольга уже стояла на пороге, распахнув дверь. Она была невысокой, светловолосой, с сине-серыми глазами, которые искрились теплом. Одета в лёгкую футболку и свободные брюки, волосы небрежно собраны в хвост. Но даже в таком виде она выглядела энергичной и решительной — выучка полицейского чувствовалась в каждой позе.

— Ланка! — воскликнула Ольга и, не обращая внимания на Юйлуну, шагнула вперёд и крепко обняла подругу. — Ты чего не предупредила? Я бы встретила!

— Так получилось, — Лана обняла её в ответ, и в этом объятии было столько тепла, сколько бывает только между людьми, выросшими вместе. — Оль, я так рада тебя видеть!

— Проходите, проходите, — Ольга отстранилась и перевела взгляд на Юйлуну. — А это, надо полагать, тот самый таинственный спутник, о котором ты мне недавно писала? Тот, что спас тебя в лесу?

Она говорила по-русски, но с улыбкой посмотрела на Юйлуну и перешла на китайский:

— Здравствуйте, я Ольга. Лана много о вас рассказывала. И, судя по всему, вы успели стать для неё кем-то большим, чем просто проводником.

— Ли Юйлун, — представился он, пожимая её руку. Он был приятно удивлён её свободным китайским. — Очень приятно. Извините за вторжение.

— Какое вторжение? — Ольга махнула рукой. — У нас гостям всегда рады. Тем более таким, которые спасают мою подругу из тёмных лесов и от каких-то маньяков. Ты, я смотрю, с ней не разлей вода, — она подмигнула Лане. — Я уже всё поняла.

Лана смутилась и отвела глаза, но Юйлун улыбнулся.

— Это она скорее меня спасла, — сказал он. — От скуки и однообразия. И от мысли, что в этой жизни уже ничего не происходит.

Ольга рассмеялась — звонко, искренне, от души.

— О, мне этот парень нравится! — объявила она. — Проходите, я чайник поставила. И пироги с капустой — помнишь, Ланка, такие, как бабушка Маруся пекла?

— Помню, — Лана почувствовала, как к горлу подступил комок. — Ты ещё хранишь этот рецепт?

— Ещё бы! — Ольга повела их в гостиную. — Это же наша память.

Квартира была просторной, с высокими потолками и большими окнами, выходящими во двор, где росли старые тополя. На подоконнике красовались фиалки, в воздухе пахло выпечкой и сушёными травами. Всё дышало уютом и теплом.

— Даниэль на работе, — сказала Ольга, приглашая их сесть. — Но я ему уже позвонила, он скоро будет. Он, кстати, тоже хочет вас увидеть — особенно после того, как узнал, что вы имеете отношение к дедушке Ченю.

— К дедушке Ченю? — переспросил Юйлун, нахмурившись.

— Ну да, — Ольга удивлённо посмотрела на него. — А ты разве не знал? Даниэль — его внук. Дедушка Чень — это его родной дед. Именно Чень попросил деда Вана присмотреть за Ланой, пока она в Китае.

— Подожди, — уточнил Юйлун, — дедушка Чень — это тот самый Чень, который дружит с моим дедом Ваном? Который спас его из-под обвала?

— Он самый, — кивнула Ольга. — И он мне много раз говорил о нём, и потом, как выяснилось он и Лане не последний человек, поэтому и представил ее своей племянницей. Его жена, бабушка Мэй, — она и твоя бабушка по отцовской линии были как сёстры. Поэтому он всегда следил за тобой издалека. Когда ты решила поехать в Китай, он сразу позвонил деду Вану и попросил присмотреть за тобой.

Лана сидела, потрясённая.

— Я не знала, — прошептала она. — Я думала, я одна в той стране.

— Ты никогда не была одна, — сказала Ольга, садясь рядом и беря её за руку. — У тебя есть мы. И теперь у тебя есть он, — она кивнула на Юйлуна. — Так что рассказывай, что стряслось. И не вздумай скрывать.

Лана глубоко вздохнула и начала рассказывать. Она говорила о Харуто, о картине, о кургане, о видении, о медальоне. Она говорила о Чжан Ливэе, который охотится за артефактом. Она знала, что Юйлун уже подозревает Харуто, но не сказала об этом — не хотела пугать подругу.

Юйлун слушал молча, но его глаза внимательно следили за реакцией Ольги. Он видел, что она — профессионал, что она не просто подруга, а настоящий спец. Это вселяло надежду.

Когда Лана закончила, Ольга посмотрела на неё долгим взглядом.

— Ты хочешь сказать, что этот медальон — не просто древняя побрякушка, а что-то вроде артефакта, за которым охотятся опасные люди? — переспросила она.

— Да, — кивнула Лана. — И они уже напали на наш след в Шанхае. Я боюсь, что они могут быть и здесь.

Ольга сжала кулаки. В её глазах зажглась та самая твёрдость, которую Лана знала с детства.

— Хорошо, — сказала она. — Вы остановитесь у меня. Комнат хватит. А завтра я съезжу в управление и проверю, нет ли в городе подозрительных лиц, которые могли бы быть связаны с этим делом. У меня есть доступ к базам, я могу пробить въезд иностранцев.

— Оль, я не хочу тебя впутывать, — попыталась возразить Лана.

— Ты уже впутала, когда позвонила, — усмехнулась Ольга. — И не вздумай извиняться. Ты — мне, как сестра, и если кто-то угрожает тебе, он угрожает и мне. Тем более, дедушка Чень просил меня присматривать за тобой, когда ты будешь в России. Я обещала.

Она встала, подошла к Лане и обняла её.

— Всё будет хорошо, — сказала она тихо. — Мы разберёмся.

В этот момент в прихожей раздался звук открывающейся двери, и в гостиную вошёл высокий, статный мужчина с тёмными волосами и пронизательным взглядом. Он был в деловом костюме, но без галстука, и выглядел так, будто только что вернулся с важной встречи.

— Даниэль! — воскликнула Ольга. — Иди сюда, знакомься!

Даниэль подошёл, и его взгляд упал на Лану. Он улыбнулся — тепло, по-родственному.

— Лана, — сказал он, протягивая руку. — Я столько слышал о тебе от бабушки Мэй и от дедушки Ченя. Они всегда говорили, что ты — как родная дочь для них. Я рад, что мы наконец встретились.

Лана пожала его руку, чувствуя, как внутри разливается тепло. Она никогда не знала, что у неё есть такая большая семья.

— Спасибо, — сказала она. — За то, что принимаете нас.

— Всегда, — ответил Даниэль. Затем он повернулся к Юйлуну и перешёл на китайский. — А вы, я вижу, вооружены? Нож? Хорошо. В случае чего — это лучше, чем ничего. Я слышал, вы помогаете Лане. И я знаю, что дедушка Чень доверяет вам. Значит, доверяю и я.

Они сели за стол, и Лана снова рассказала свою историю — но теперь добавила детали о картине, о том, что она видела линии, ведущие во Владивосток, в старый дом родителей. Даниэль слушал внимательно, а потом сказал:

— Я знаю этот дом. Он в старом центре, на Суханова. Там сейчас никого нет, он стоит закрытый, но я могу достать ключи — у меня есть знакомые в городском архиве.

— Завтра мы пойдём туда, — твёрдо сказала Лана.

— Я с вами, — сказал Даниэль.

— И я, — добавила Ольга.

— Нет, — покачала головой Лана. — Я не хочу вас впутывать. Мы с Юйлуном справимся сами. Вы и так сделали больше, чем должны.

Ольга посмотрела на неё с укоризной.

— Ты что, забыла, кто мы друг другу? — спросила она. — Если ты идёшь в опасное место, мы идём с тобой. Это не обсуждается.

Лана хотела возразить, но увидела в глазах подруги такую решимость, что поняла: спор бесполезен.

— Хорошо, — сдалась она. — Но завтра утром — только осмотрим дом. Без героизма.

— Договорились, — улыбнулся Даниэль.

Юйлун сидел молча, но в его голове уже роились мысли. Он думал о Харуто, о визитке, о чёрном внедорожнике, который следил за ними в Шанхае. Он знал, что опасность может нагрянуть в любую минуту. И он знал, что должен быть начеку.

Когда они ушли в комнату, которую Ольга отвела для гостей, Юйлун помог Лане распаковать вещи, а потом лег на надувной матрас и долго смотрел в потолок.

- Юйлун, ты спишь? — позвала она его шепотом.

- Нет, - тут же отозвался он, - а ты почему еще не спишь?

- Давай завтра пойдем в дом моих родителей сами, - попросила Лана, - я все еще не уверена, что хочу втягивать во все это Олю и Даниэля.

- Хорошо, я соглашусь с любым твоим решением, - поддержал ее Юйлун, но потом замешкался, но все же добавил, - Лана, как ты убедишь свою подругу чтобы она не вмешивалась?

- Мы ей просто не скажем, - выложила она свой план, - скажем, что я иду показывать тебе город, так как ты тут впервые, она не должна ничего заподозрить.

- Хорошо, сделаем, как ты скажешь, - согласился он, - а теперь спи.

Она помолчала, а потом сказала:

— Юйлун, я чувствую, что ты что-то скрываешь. Ты стал более напряжённым после встречи с Харуто. Что случилось?

Он замялся. Он не хотел говорить ей о своих подозрениях, но её голос был таким доверчивым, что он не мог солгать.

— Лана, — начал он осторожно, — я не хочу тебя пугать, но у меня есть основания думать, что Харуто может быть не тем, за кого себя выдаёт. Парни сказали, что он общался с людьми Чжан Ливэя у своего дома.

Лана села на кровати, и в темноте её глаза расширились.

— Ты думаешь, он... он на их стороне?

— Я не знаю, — честно ответил Юйлун. — Но я знаю, что он слишком хорошо осведомлён о твоей семье. И его советы слишком удобны. Он направил нас в Шанхай, чтобы мы забрали картину, которая ведёт к медальону. Как будто он сам хотел, чтобы мы нашли его.

Лана молчала. Внутри неё боролись доверие к Харуто и холодный страх.

— Если он предатель, — сказала она наконец, — значит, он уже знает, где мы. И он может быть здесь. Во Владивостоке.

— Возможно, — сказал Юйлун. — Поэтому нам нужно быть осторожными. И никому не говорить о наших планах, кроме Ольги и Даниэля. Им можно доверять.

Она легла, и он укрыл её одеялом. Она думала о том, как изменилась её жизнь за последние дни. Ещё неделю назад она была одна, замкнутая в своём мире, и вдруг — всё перевернулось. Она нашла тот курган, она встретила Юйлуна, она вернулась домой, и теперь она чувствовала, что не одна.

Она улыбнулась в темноте и закрыла глаза. Завтра будет новый день, и она встретит его с новыми силами.

Он лежал рядом на матрасе, и думал о том, что завтра они могут столкнуться с опасностью. Но он был готов. Ради неё он был готов на всё.

За окном шумел ветер, и где-то вдалеке слышался шум прибоя. Владивосток жил своей ночной жизнью, а в этой квартире на восьмом этаже двое людей готовились к битве — за правду, за любовь, за будущее. И никто не знал, что таится в тени.

Глава 6. Дом, где ждут секреты

Владивосток за окном просыпался медленно, как большой ленивый зверь. Дождь стих, и солнце начинало пробиваться сквозь облака, окрашивая город в тёплые золотистые тона. Лана стояла у окна в гостиной Ольги и смотрела на море, которое виднелось вдалеке между крышами домов. Она чувствовала себя спокойнее, чем ожидала. Рядом с ней были её люди — настоящая семья, которую она обрела не по крови, а по духу.

— Ланка, завтрак! — раздался из кухни громкий голос Ольги. — Я не для того встала в шесть утра, чтобы вы проспали мои олады!

Лана вздрогнула от неожиданности и услышала, как за её спиной на надувном матрасе заворочался Юйлун. Он открыл глаза и посмотрел на неё сонным взглядом.

— Твоя подруга всегда так кричит? — спросил он, потирая лицо. — Или это только по утрам?

— Всегда, — усмехнулась Лана. — Но ты привыкнешь. Это её способ показывать любовь.

Ольга действительно умела шуметь. Она гремела посудой, ругалась на мужа, который не мог найти свои носки, и одновременно приговаривала что-то про «безобразия» и «когда же вы начнёте нормально питаться». Даниэль сидел за столом с планшетом и делал вид, что не слышит, хотя по его улыбке было видно, что он наслаждается каждым моментом.

Когда завтрак был закончен, они устроились за круглым столом в гостиной. Ольга разлила чай и строго посмотрела на Лану.

— А теперь давай-ка по порядку, — сказала она. — Вы точно уверены, что карта ведёт именно к дому твоих родителей? Это не может быть ошибкой или ловушкой?

— Я видела линии, — ответила Лана, доставая из сумки свой «Зенит». — Они чётко указывали на старый особняк на улице Суханова. Там была мастерская моих родителей. Если медальон где-то спрятан, то именно там.

Она замолчала, вспоминая тот момент, когда через объектив увидела светящуюся карту. Её пальцы сжимали камеру, как талисман.

— Я могу проверить архивные данные по тому адресу, — сказала Ольга, вставая и направляясь к своему ноутбуку. — Кто владел домом после гибели твоих родителей, кто мог туда заходить.

— А я позвоню риелтору, который занимается старыми домами в центре, — добавил Даниэль. — У него есть доступ к планам зданий. Может быть, там есть тайные комнаты или подвалы, о которых никто не знает.

Лана смотрела на них и чувствовала, как страх, копившийся внутри неё последние дни, начинает таять. Она была не одна. У неё была команда.

— Спасибо, — сказала она просто, и голос её дрогнул. — Я не знаю, как вас отблагодарить.

— Брось, — махнула рукой Ольга. — Мы же семья. Даниэль, ты где? Давай, мы с тобой быстренько свяжемся с твоими знакомыми, пока наши герои собираются.

Юйлун, сидевший рядом с Ланой, накрыл её руку своей.

— Мы справимся, — сказал он тихо, а потом добавил, уже обращаясь ко всем: — Я в этом городе впервые. Хотел бы немного прогуляться с Ланой. Пока мы будем гулять, вы сможете всё разузнать.

Ольга подозрительно прищурилась, но Даниэль кивнул:

— Хорошая идея. Сходите, подышите морским воздухом. Только будьте осторожны, выбирайте людные места. Я дам вам ключи от машины, если хотите.

— Мы пешком, — улыбнулась Лана. — Хочется вспомнить город.

Они вышли из квартиры, и лифт бесшумно повёз их вниз. Лана сжимала в кармане старый ключ от мастерской родителей — маленький, почти чёрный от времени. Она носила его с собой все эти годы как талисман, как память, и никогда не думала, что он снова понадобится. Металл нагрелся от тепла её ладони, и ей казалось, что она чувствует, как он пульсирует в такт сердцу.

— Ты уверена, что это хорошая идея? — спросил Юйлун, когда они вышли из подъезда на залитую солнцем улицу. — Твоя подруга явно из тех, кто не оставляет дела без присмотра. Мне кажется, она будет следить за нами через окно.

— Она — полицейский, — улыбнулась Лана, — она привыкла всё контролировать. Но я не хочу, чтобы она рисковала из-за меня, у нее Даниэль, дети. А это моя семья, моя тайна, мой груз. И я должна пройти через это сама.

Она остановилась на мгновение, глядя на проезжающие машины, на людей, спешащих по своим делам. Город жил своей обычной жизнью, и это казалось почти несправедливым — что мир продолжается, пока у неё внутри всё переворачивается.

— Ты не обязана нести всё одна, — тихо сказал он, становясь рядом. — Я понимаю твоё желание защитить тех, кого любишь. Я сам такой. Но иногда нужно позволить другим помочь тебе. Иначе ты сломаешься.

Она повернулась к нему и заглянула в его глаза — тёмные, серьёзные, но с той теплотой, которую он показывал только ей.

— Ты меня не осуждаешь? — спросила она.

— Никогда, — ответил он. — Я просто рядом.

Они пошли по улице Светланской, и Лана чувствовала, как каждый шаг возвращает её в прошлое. Вот здесь она бегала в школу, вот здесь покупала мороженое, вот здесь впервые

поцеловалась с мальчишкой, который потом уехал в другой город. А вот там, за углом, был парк, где она сидела с мамой на скамейке, и мама рисовала её портрет, пока она читала книгу.

— Расскажи мне о своём детстве, — попросил Юйлун, заметив, как её взгляд стал мягче.

Лана улыбнулась и начала рассказывать. Она говорила о родителях — о том, как они были художниками и всегда окружали её красками и светом. О том, как отец учил её видеть красоту в простых вещах, а мать — доверять интуиции. О том, как они вместе ходили на море и собирали ракушки, которые потом мама клеивала в свои картины.

— Мама говорила, что художник должен быть немного волшебником, — сказала Лана, останавливаясь у старого фонтана. — Она говорила, что мы не просто рисуем то, что видим, а создаём новые миры. И что каждый мир, который мы создаём, — это часть нашей души.

Она посмотрела на него, и в её глазах стояли слёзы. Он ничего не сказал, просто взял её за руку и сжал. Этого было достаточно.

Они подошли к старому особняку на улице Суханова. Дом стоял на углу, окружённый заросшим палисадником. Плющ оплёл старую калитку, и она казалась частью живой изгороди. Стены хранили следы времени — облупившуюся краску, трещины в штукатурке, но окна всё ещё смотрели на мир с той же доброй грустью, какую Лана помнила с детства.

— Мы пришли, — выдохнула она, останавливаясь у калитки.

Она положила руку на ржавый металл и закрыла глаза. Воспоминания нахлынули, как волна — смех матери, голос отца, запах красок и скипидара. Она услышала, как мама зовёт её из мастерской, как отец напевает что-то, работая над новым холстом. Ей показалось, что она слышит звук кисти, скользящей по холсту, и тихий смех — тот самый, который она никогда не могла забыть.

— Ты как? — спросил Юйлун, подходя ближе.

— Страшно, — честно призналась она. — Но не так, как я думала. Скорее... грустно. Будто я пришла на кладбище, но там никого нет.

— Они живы в твоей памяти, — сказал он. — И в том, что ты делаешь. В каждом твоём рисунке, в каждой твоей улыбке — они есть.

Она кивнула, сглотнула комок в горле и открыла калитку. Ключ от замка подошёл с первого раза, как будто его только что смазывали. Они прошли внутрь. В доме пахло сыростью и старой древесиной — запахом, который она узнала бы из тысячи других. В гостиной всё было на своих местах: старый диван, накрытый пледом, этажерка с книгами, пожелтевшие фотографии на стенах. Лана провела пальцами по корешкам книг, и на них остались полосы от пыли.

— Здесь нет ничего, — сказала она, поворачиваясь к Юйлуну. — Всё, что имело значение, хранится внизу, в мастерской. Туда никто не заходил, даже я. Я боялась. Думала, что если не войду, то смогу забыть, что их больше нет.

— Веди, — тихо сказал он. — Я с тобой.

Она повела его к старой двери в углу прихожей — незаметной, почти сливающейся со стеной. За ней была крутая лестница, ведущая в цокольный этаж. Лана достала из кармана второй ключ — маленький, старый, почти чёрный от времени — и вставила его в замок. Замок щёлкнул, и дверь со скрипом отворилась.

Внизу было темно и прохладно. Лана нащупала выключатель, и тусклая лампочка осветила большое помещение с высоким потолком. Вдоль стен стояли столы, заставленные банками с кистями, старые мольберты, стопки холстов и папки с рисунками. В углу лежал забытый этюдник, на полу — засохшие тюбики краски. Воздух был густым от запаха льняного масла и скипидара — того самого запаха, который ассоциировался у Ланы с детством.

— Это было их святое место, — сказала Лана, проходя внутрь и касаясь пальцами пыльных поверхностей. — Сюда никто не заходил, даже я. Только родители. И когда я хотела с ними поговорить, они звали меня сюда, сажали на этот старый диванчик и рассказывали свои истории...

Она остановилась у старого дивана, стоявшего в углу. На нём до сих пор лежала подушка, вышитая матерью — цветы и птицы, символы жизни, которые она вплетала в свои работы. Лана коснулась вышивки, и ей показалось, что она чувствует тёплые руки матери.

Она прошла по мастерской, рассматривая каждую деталь. Здесь стоял мольберт отца с незаконченной картиной — вид на море, где волны сливались с небом. На столе лежала раскрытая папка с эскизами, где были наброски фантастических птиц и зверей. Лана перебирала их, и в груди разрасталась странная смесь боли и гордости. Её родители были не просто художниками — они были творцами миров.

— Здесь есть тайник, — сказала она, останавливаясь у большой картины, закрывавшей часть стены. — Мама часто говорила: «Лучшее место для хранения секрета — там, где его никто не ищет». Эта картина всегда здесь висела. Даже когда я приходила сюда в детстве, она не сдвигалась ни на миллиметр.

Картина была большой — почти во весь рост человека. На ней был изображён закат над морем, и вдалеке виднелся силуэт человека на мотоцикле. Та же тема, что и на той, которую Лана купила у Харуто. Её сердце забилося быстрее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.